

Николай
КОНДРАТЬЕВ

НА ФРОНТЕ В ОГНЕ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

**Николай
КОНДРАТЬЕВ**

НА ФРОНТЕ В ОГНЕ

**Эпизоды из жизни
Яна Фабрициуса**

Москва · Издательство политической литературы · 1982

Кондратьев Н. Д.

К64 На фронте в огне: (Эпизоды из жизни Яна Фабрициуса).— М: Политиздат, 1982.— 128 с, ил.— (Герои Советской Родины).

Это книга о легендарном герое гражданской войны, кавалере четырех орденов Красного Знамени Яне Фрицевиче Фабрициусе. В ней рассказывается о наиболее важных и интересных эпизодах из жизни и боевой деятельности героя — участника III Всероссийского съезда Советов, члена военной секции ВЦИК, военного комиссара и командира Красной Армии. Автор книги — писатель Николай Кондратьев рисует образ убежденного большевика-ленинца, человека огромной храбрости.

Книга рассчитана на массового читателя.

К $\frac{0505030102-091}{079(02)-82}$ 188—82

63.3(2)712.8
9(С)22

© ПОЛИТИЗДАТ, 1982 г.

Награждается орденом Красного Знамени... комиссар 10-й стрелковой дивизии тов. Ян Фрицевич Фабрициус за непрерывную самоотверженную работу на фронте в огне.

*Приказ РВСР № 12
от 10 марта 1919 г.*

...У Ольгинского моста Фабрициус увидел красноармейцев. Бегут. Впереди, похоже, командир. Лицо знакомое. Да это комбат Каргополов! Фабрициус поднял руку, крикнул:

— Стой!

Каргополов подошел и, тяжело дыша, отрапортовал:

— Товарищ военный комиссар, со мной сводный отряд — саперы, связисты. Уцелевшие...

— Остановите отряд. Надо удержать мост.

— В шестом эстонском измена. Булак-Балахович жмет. Патроны на исходе...

— Не болтайте! Командуйте! — резко оборвал Фабрициус.

— В цепь! — приказал Каргополов. — И ни шагу назад!..

Единственный пулемет поставили у перекрестка дорог.

На противоположном берегу реки горели дома. Их никто не тушил.

За мостом показалась цепь солдат. Идут уверенно, в полный рост. Победители...

Фабрициус подбежал к расчету. Поторопил:

— Скорее! Огонь!

Наводчик стал на колени и привычно повел ствол пулемета слева направо. Цепь атакующих рассыпалась. На мостовой осталось с десятков неподвижных тел.

— Молодец! — похвалил Фабрициус. — Фамилия?

— Сергей Давыдов ..

— А, из восемьдесят шестого. Помню Часы вручал Не спеш. Береги патроны.

Совсем близко разорвался снаряд. Взрывная волна подняла Фабрициуса и швырнула на мостовую. Приподнявшись, почувствовал острую боль в левой руке. Сквозь оседающее облако пыли заметил надвигающуюся вражескую цепь. Крикнул:

— Давыдов, давай!

Наводчик не отозвался. Фабрициус подполз к пулемету и увидел, что Давыдов убит. Отодвинул тело погибшего, вставил ленту. Короткими очередями стал расстреливать солдат, взбегавших на мост. Приползли номерные, притащили цинковую коробку патронов.

Фабрициус попросил их:

— Набивайте ленты. Часа два-три надо продержаться. Пока наши не отойдут...

Подбежал ординарец Гурьянов. Сообщил:

— Начдив велел передать — штаб уходит на Карамышево. Вас ждет автомобиль.

— Скажите Курганскому — я уйду из Пскова последним...

— Лишнее это, товарищ комиссар. Ведь убьют...

— Ступайте!

— Не могу. Я за вас перед всей дивизией отвечаю.

Гурьянов перевязал кровоточащую рану комиссара.

Фабрициус расстрелял две ленты.

Подполз Каргополов и доложил:

— Противник рядом. Нас могут отрезать У меня осталось восемнадцать бойцов...

— Ведите их в Карамышево. Всех по дороге забирайте. Я прикрою...

У моста появились всадники. Фабрициус дал по ним очередь из пулемета. Кончилась последняя лента. Вдруг его опалило зноем: за спиной загорелся дом.

Мимо пробежал командир 2-й роты минно-подрывного дивизиона Александр Чецулин, крикнув на ходу:

— Бегите! Взрываю мост...

Гурьянов дернул Фабрициуса за рукав:

— Скорее! Только бы успеть...

Обогнули горящий дом, пересекли улицу и услышали сильный взрыв.

Гурьянов сорвал фуражку:

— Упокой, господи, русскую душу... И себя взорвал с мостом. Какие люди бывают!.. А машина наша ушла.

— Успокойся. Выберемся.

— Непременно выберемся. Бывали моменты и сложнее, а выбирались...

Фабрициус не отозвался. Ординарец прав. Действительно, были в его жизни тяжелейшие испытания. На фронте в огне...

О некоторых из них и рассказывается в этой небольшой книге.

Партийная школа Смольного

1

Во второй половине октября 1917 года 1-й Усть-Двинский латышский стрелковый полк занимал позиции в районе Зегевольдских (Сигулдских) высот, в 60 километрах северо-восточнее Риги. Активных боевых действий не вел.

Окопное затишье кончилось 26 октября. Утром получили газеты «Окопный набат» и «Латвю стрелникс», в которых сообщалось о том, что Временное правительство низложено, а власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона. И пока стрелки возбужденно обсуждали это радостное известие, в полковой комитет пришел приказ из штаба 1-й бригады, предписывающий полку выступить 27 октября сего года в 6 часов утра в город Венден (Цесис).

Председатель полкового комитета Лейманис и его заместитель Фабрициус сразу же выехали в соседний резервный 79-й сибирский стрелковый полк. Им удалось довольно быстро договориться с полковым комитетом и командиром сибиряков о том, что они немедленно займут боевые позиции латышских стрелков.

6

Смена частей на переднем крае прошла скрытно и быстро. Выведенные в тыл окопники получили три часа для отдыха. А усталые комитетчики собрались на заседание, чтобы выбрать командира, которому можно доверить личный состав — 2924 активных штыка. Бывший командир полка подполковник Бриедис, ревностно служивший царю, а затем и Временному правительству, услышав о победе большевиков, куда-то скрылся.

Лейманис не спеша прочел по списку 27 фамилий офицеров и настороженно спросил:

— Кого предлагаете, товарищи?

Члены полкового комитета переглянулись. Они хорошо знали лишь своих отделенных и взводных, которым должность командира полка не по силам. Ошибиться никак нельзя. Так лучше промолчать.

Лейманис посмотрел на часы, угрюмо сказал:

— До марша осталось два с четвертью. Надо срочно решать. А что ты молчишь, Фабрициус?

Старший унтер-офицер Ян Фабрициус встал, ответил кратко:

— Я человек в полку новый. В тяжелой боевой обстановке офицеров не видел. И судить о них могу только по тому, как они относятся к подчиненным. Знаю, что прапорщик Вайнян и подпоручик Фрейберг постоянно вникают в наши нужды и проявляют заботу о солдатах...

— Я одобряю кандидатуру Роберта Вайняна,— сказал Лейманис.— Он честный и храбрый человек. Только вот... возьмется ли?

— Давайте вызовем его и объясним все по порядку,— предложил Фабрициус.

Связной разыскал и привел Вайняна.

Лейманис кратко обрисовал обстановку в районе 12-й армии, объяснил, зачем латышских стрелков вызывают в Венден, и сразу же объявил:

— Полковой комитет назначил вас, товарищ Вайнян, командиром полка

Прапорщик Вайнян пожал плечами и растерянно спросил:

— Странно... До сих пор только старшие начальники назначали на должность. Дело весьма ответственное. А что, если офицеры и солдаты не подчинятся прапорщику Вайняну?

— Офицеров и солдат, не исполняющих приказы, следует арестовывать и отправлять в Военно-революционный комитет первой бригады. Вот приказ по бригаде. Смотрите второй параграф.

Роберт Вайнян прочел документ и сказал:

— Насколько я понимаю, командир полка должен выполнять приказ вместе с полковым комитетом. И в дальнейшем действовать согласованно. В противном случае я полк не приму.

— Вы можете твердо рассчитывать на наше содействие,— заверил его Лейманис.— Товарищи! Вопрос решен. Отправляйтесь по местам.

Ян Фабрициус пошел в свою 4-ю роту. Ночь была темной, сырой, холодной. В березовой роще, на широкой поляне жарко пылали костры. Вокруг них, плотно прижавшись друг к другу, лежали стрелки Фабрициус лег рядом с фельдфебелем на разостланный брезент и закрыл глаза. Попытался успокоиться, унять волнение, вызванное событиями в Петрограде, и не мог...

Четырнадцать лет шел он к этому радостному дню... Да, с той памятной маевки 1903 года в Виндавской роще, закончившейся арестом и избиением. А

потом был суд, каторга и ссылка в места отдаленные и суровый жандармский приказ «проживать отнюдь не ближе Иркутска». И были долгие скитания по Сибири и Дальнему Востоку, завершившиеся на утром острове Сахалине, в лесной управе Александровска. Оттуда летом 1916 года Фабрициус был отправлен в действующую армию. И вот пришла пора желанных перемен: в столице под руководством большевиков победили революционные рабочие и солдаты!

Раздумья прервал сигнал тревоги.

Через десять минут полк в полной боевой готовности выстроился у шоссе. Командир Вайнян вышел вперед и громко прочел приказ № 1.

Стрелки одобрили приказ дружным и громким «Ура!».

Правофланговый 1-й роты поднял красное знамя, оркестр заиграл марш, и полк двинулся по Псковскому шоссе на Венден. В ногу шли недолго. Густая цепкая грязь засасывала сапоги. И оркестр смолк...

К Яну Фабрициусу, шагавшему на правом фланге 4-й роты, подошел Лейманис и попросил:

— Слушай, Ян, перейди в голову колонны. У тебя шаг подходящий, да и фигура внушительная. Глядя на такого молодца, и остальные пойдут веселее.

— Все шутишь...

— А без шуток: пойдешь впереди и за командиром понаблюдаешь, товарищ Фабрициус,— тихо и строго пояснил Лейманис.

Фабрициус вышел из строя и, широко шагая, обогнал первый батальон. Заметил: стрелки узнают, улыбаются, здороваются. А ведь когда прибыл в начале сентября, и поговорить было не с кем. Ни одного знакомого. К тому же на душе было тревожно: не

имел никаких сведений о родителях, оставшихся в оккупированной Курляндии. Живы ли они? И где братья и сестры?.. Фабрициус послал объявления в центральные газеты о розыске родных. Неожиданно откликнулась дальняя родственница Эмма Фабрициус, бежавшая из Курляндии в Харьков. Отыскалась отзывчивая и, судя по фотографии, красивая девушка...

Фабрициус поравнялся с командиром полка, глянул на его забрызганные грязью сапоги и шинель и невольно подумал о том, что подполковник Бриедис пешком не пошел бы. Поехал бы на лошадке.

— Кто-то едет,— сказал Вайнян, всматриваясь в дорогу.

Дальнозоркий Фабрициус уточнил:

— Похоже — начальство. На паре вороных. А за кучера ездовой с винтовкой.

Бричка приблизилась, и бородатый солдат резко осадил лошадей.

Штатского вида человек в мешковато сидящем военном френче встал, оперся левой рукой о плечо солдата, а правую простер к идущим и громко приказал:

— Стой! Стойте, изменники!

Команду привычно повторили. Она прошла по ротам, и полк остановился.

— С кем имею честь? — хмуро спросил Вайнян.

— Я секретарь исполнительного комитета Совета солдатских депутатов Белоусов,— громко, чтобы все слышали, ответил чиновник.— Я обвиняю вас в измене! Вы предали родину! Вы открыли немцам путь на Петроград. От имени всех демократических организаций армии я требую незамедлительного возвращения на боевые позиции!

Фабрициус подошел к бричке. Настороженно по-

смотрел на стрелков: как они реагируют на приказание секретаря меньшевистско-эсеровского Искосола. Увидел угрюмые, усталые лица. И, с трудом сдерживая раздражение, сказал:

— Вы явно не в курсе дела. Да будет вам известно, что по распоряжению штаба бригады мы произвели смену частей на переднем крае. На наших позициях сейчас стоят сибиряки. И они ни одной пяди земли не отдадут врагу. Земля-то теперь наша...

— От имени Искосола приказываю вам вернуться. В противном случае мы будем вынуждены... применить силу.

— Не запугаете. Приказам холуев Керенского не подчиняемся. Освободите дорогу! В противном случае мы опрокинем ваш тарантас в канаву.

Белоусов хотел еще что-то сказать, но перепуганный ездовой повернул лошадей, и, потеряв равновесие, секретарь Искосола тяжело плюхнулся на сиденье.

Стрелки захохотали, засвистели.

Покачиваясь и расплескивая лужи, бричка скрылась за поворотом.

По команде Вайняна полк снова двинулся на Венден. Шли без остановок и к утру добрались до города. В 10 часов утра, под звуки «Интернационала», полк вступил на площадь у лютеранской церкви.

Древний уездный город преобразился: над пожарной каланчой, училищем и водокачкой весело заколыхались красные флаги. И все жители вышли на улицу — встречать своих. Устьдвинцы заняли станцию и телеграф. В полдень в город вступил 3-й Курземский полк. И стал Венден первым городом Латвии, в котором восторжествовала Советская власть. Фабрициус верил, что отсюда начнется победоносное

шествие революции по всем городам и хуторам Латгалии (восточная часть Латвии, не захваченная германскими войсками). И придет она, непременно придет и в его родные места — в Вентспилсский уезд...

Вечером Лейманиса и Фабрициуса вызвали на расширенное совещание Исколастрела (Исполком объединенного Совета латышских стрелковых полков). Председательствующий — комиссар латышских стрелков, председатель Военно-революционного комитета 12-й армии большевик Семен Михайлович Нахимсон сообщил о том, что штаб 12-й армии в Валке собирается отправить в поход на красный Петроград три кавалерийские дивизии, дивизион бронемашин и отборные ударные батальоны. Подготовкой руководит командир 12-й армии генерал Юзефович — верный союзник Керенского. Необходимо как можно скорее ликвидировать контрреволюционный центр в Валке, спасти красный Петроград.

— У кого будут конкретные предложения по этому вопросу? — спросил Нахимсон.

Представитель 3-го Курземского полка Карл Поэма предложил:

— Пошлите в Валк¹ наш полк. Мы там сразу наведем порядок.

Нахимсон покачал головой:

— Первый и третий полки нужны здесь. Седьмой полк мы направляем в Вольмар.

Член ревкома большевик Александр Васильев посоветовал двинуть в Валк 436-й Новоладожский полк.

— На ваш полк вполне можно положиться, — поддержал его Нахимсон. — Однако в случае столк-

¹ Так тогда назывался город Валка.

новения с контрреволюционными частями силы окажутся неравными. Нужен хотя бы еще один боеспособный полк.

Наступила пауза, затяжная и томительная.

— Есть такой полк! — вдруг радостно воскликнул Ян Фабрициус. — Это шестой Тукумский. Он стоит в резерве.

— Не подойдет! Там офицеры ненадежные, — возразил председатель ревкома Юрий Чаринь.

— Но решающее слово принадлежит стрелкам. Они арестуют офицеров, которые не подчинятся приказу ревкома. Кто не с нами — тот против нас!

Нахимсон посмотрел на часы, подытожил:

— Медлить нельзя. Надо согласиться с мнением товарища Фабрициуса. У нас нет выбора. Мы не можем снять ни одного солдата с боевых позиций. Полагаю, что переход тукумцев из Лимбажи в Валк благотворно скажется на состоянии полка, поможет очистить его от затаившихся враждебных элементов.

— Ну что ж, пошлем шестой Тукумский, — согласился Чаринь.

2

События развивались именно так, как предполагал Ян Фабрициус. Стрелки 6-го Тукумского латышского полка арестовали офицеров, отказавшихся выполнить приказ ревкома. Той же ночью тукумцы и новолadoжцы отправились в поход и на рассвете с трех сторон вступили в Валк. Без потерь удалось арестовать штаб 12-й армии и обезоружить воинские части, подготовленные для переброски на красный Петроград.

Узнав об этом, Лейманис сказал Фабрициусу:

— А ты не ошибся в тукумцах, Ян. Большое

дело сделали: контрреволюционеров арестовали! Да и вся дорога от Вендена до Валка теперь в наших руках.

Фабрициус озабоченно произнес:

— Надо, чтобы вся Двенадцатая армия была в наших руках. До единого солдата предана Советской власти. Эта задачка, сам понимаешь, куда сложнее. И решать ее нам, большевикам.

Зазвонил телефон. Лейманис, поговорив с кем-то, повернулся к Фабрициусу:

— Тебя просят выступить на митинге в третьем Курземском. Сегодня в шесть часов.

— Передай — приду.

Готовясь к выступлению, Фабрициус внимательно прочитал сообщения, напечатанные в «Правде» и «Известиях». Солдаты все хотят знать и вопросы задают такие трудные, что не знаешь, как и ответить. Сейчас все говорят о демобилизации армии. Многие считают так: раз принят Декрет о мире, значит, можно разъезжаться по домам. И очень трудно убедить измученных, истосковавшихся по семьям фронтовиков, что, пока мир с Германией не заключен, надо здесь, на рижских позициях, защищать красный Петроград. Власть взяли быстро и легко, куда труднее будет ее отстоять...

6 января 1918 года Яна Фабрициуса вызвали в исполнительный комитет Совета солдатских депутатов 12-й армии.

Новый председатель Искосола Семен Нахимсон радостно приветствовал его:

— Поздравляю! Латышские стрелки выбрали вас делегатом на Третий Всероссийский съезд Советов. Вот документы, а сухой паек на неделю полúчите в полку. Постарайтесь запомнить самое главное. Вернетесь — расскажете товарищам о съезде.

— А куда я должен явиться? Впервые еду в Петроград.

— В Смольный. Там регистрируетесь. А потом зайдите к землякам в сводную латышскую роту, охраняющую Смольный. В Питере передайте привет нашим товарищам — членам ВЦИКа Петру Стучке и Карлу Петерсону...

3

Шагая по хмурым, малолюдным улицам столицы, Ян Фабрициус своими глазами увидел, как тяжело живет петроградцам. У булочных стояли закутанные в платки дети, побелевшие от инея старики, угрюмые, словно окаменевшие женщины. Ждали хлеба. Трамваи не ходили — не хватало электрического тока. У рекламных щитов и заборов нанесло целые сугробы снега, — видно, убирать некому. И все-таки город был прекрасен...

У Смольного остановил патруль. Ладно пригнанная форма, высокие хромовые сапоги. Патрульные перекинулись между собой несколькими фразами. Да ведь это же латышские стрелки! Старший патрульный прочел предъявленный документ, улыбнулся:

— Свой... Где остановились, товарищ Фабрициус?

— Только что с поезда.

— Как встанете на учет, приходите к нам в сводную смольнинскую роту погреться. Да и койка найдется...

В комнате, где помещалась Мандатная комиссия, делегат латышских стрелков получил анкету. На первые вопросы ответил быстро: «Родился 26 июня 1877 года. Латвия — Курляндия, имение Злекас, хутор Вангстребеи».

В графе, где надо было указать партийную принадлежность и время вступления в партию, написал: «С апреля 1903 года в РСДРП(б)».

Поморщился, вписав в анкету слово «холост». Вот ведь как сложилась жизнь: сорок первый год идет, а все еще не нашел невесты. Давным-давно была на примете в Виндаве милостивая, рослая, веселая девушка. Нравились друг другу. Встречались. И в праздничный, хмельной день Лиго она надела на голову жениха дубовый венок и поцеловала при всех. А вот свадьба не состоялась. Жениха арестовали. Сослали. Два года ждала... и вышла замуж за другого...

Следующий вопрос: «Служба в армии» — заставил задуматься, вспомнить прошлое. Да, проходил действительную службу. Когда? День призыва запямятовал. Пожалуй, в середине августа 1898 года это было. Запомнился пожилой, сутулый, худенький врач. Проверив сердце и легкие, хлопнул ладонью по широкой груди новобранца и восхищенно воскликнул: «Какой богатырь! В гвардию его. Непременно в гвардию!» И направили в Варшаву — в лейб-гвардии Литовский полк 3-й гвардейской дивизии. Служил усердно. Особенно преуспел в огневой подготовке. На полковом празднике занял первое место в стрельбе из винтовки. Перед строем всех шестнадцати рот победителю вручили подарок. После этого был произведен в старшие унтер-офицеры...

Фабрициус заполнил анкету, отдал дежурному, а тот выдал ему два талона: на обед и ужин.

В комнату вошел невысокий, худощавый человек в кожаной куртке. Бледное узкое лицо, пенсне на шнурке, курчавые волосы — облик этого человека показался Фабрициусу очень знакомым. Конечно же он встречался с ним в ссылке! Это товарищ Андрей, он

же Яков Михайлович Свердлов. К нему довелось однажды ездить на лыжах в Максимкин Яр, чтобы передать партийную почту и сообщить о том, что политические ссыльные требуют освобождения Свердлова из студеного, гиблого Максимкина Яра. Фабрициус не осмелился напомнить Якову Михайловичу о той давней встрече, но тот подошел, пожал руку:

— Здравствуйте! Вспомнил, да-да, вспомнил, где мы встречались с вами и о чем говорили, а вот фамилию позабыл.

— Медвежатник. Вечный ссыльный. Фабрициус.

— Фа-бри-ци-ус,— улыбаясь повторил Яков Михайлович.— Ус, ус. Усы у вас выдающиеся, великолепные. Вот по ним и запомнил вас. Скажите, откуда прибыли и чем занимаетесь?

— Из двенадцатой армии. Помощник командира взвода. Немного работаю в полковом комитете.

— Весьма рад, что встретил вас. А где остановились?

— У товарищей из смольнинской роты.

— Вот и хорошо. А питаться будете в нашей столовой. Однако должен предупредить: харчи у нас скудноватые, в чем вы сейчас и убедитесь... Пойдемте...

4

...III съезд Советов открыл председатель ВЦИК Я. М. Свердлов. Сводный оркестр моряков-балтийцев заиграл «Интернационал». Все встали. С трудом сдерживая волнение, Ян Фабрициус пел вместе со всеми, и знакомые слова звучали как клятва:

Мы наш, мы новый мир построим,

Кто был ничем, тот станет всем.

Вот они здесь, вокруг,— те, «кто был ничем». И со-

брались в том самом зале, в котором заседали некогда члены царской Государственной думы — помещики, капиталисты. А сейчас рядом с народными комиссарами сидят рабочие и крестьяне, солдаты и матросы. Народ и власть едины. Отсюда и слово великое — народовластие.

Фабрициус внимательно слушал выступления, и они показались ему празднично-торжественными. Запомнился заокеанский журналист Джон Рид. Он заявил с трибуны съезда о том, что, возвращаясь в страну закоренелой реакции и господства капитализма — Америку, черпает глубокое удовлетворение в сознании, что победа пролетариата в одной из могущественных стран не сон, а действительность. Отныне буржуазия увидела всю мощь, силу и непобедимость революционного движения, которое никакими репрессиями не может быть сломлено. Джон Рид обещал, что расскажет американским рабочим обо всем, что делается в революционной России, и это, несомненно, вызовет у них живейший отклик.

И еще один оратор взбудоражил всех сидящих в зале — матрос Анатолий Железняков. Широкоплечий, обветренный, охрипший от стужи и митингов балтиец произнес горячо и взволнованно:

— У революционной армии и флота, у всех «чернорабочих революции» еще не заржавели винтовки и хватает силы для того, чтобы довести революцию до конца и одержать победу над капиталом!

Фабрициус давно уже обратил внимание на группу делегатов в серых шинелях, сидевших впереди него. Оттуда донеслось:

— Да здравствует революционный флот!

Анатолий Железняков улыбнулся и громко провозгласил:

— Да здравствует непобедимая революционная армия рабочих и крестьян!

В ответ раздались аплодисменты.

Сидевший рядом с Фабрициусом старый большевик, латышский стрелок, член ВЦИК второго созыва Карл Петерсон тихо сказал:

— Знаешь, это тот самый Железняков, который «распустил» учредилку...

5

На следующий день Ян Фабрициус впервые увидел и услышал Ленина. Владимир Ильич появился в зале, когда Я. М. Свердлов зачитывал «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». По рядам волной прокатилось: «Ленин! Ленин!» — и все сразу же встали и дружно, громко зааплодировали. Смущенный Владимир Ильич недоуменно пожал плечами, махнул рукой Свердлову и сел в первом ряду.

Свердлов закончил чтение декларации и делегаты одобрили каждый ее пункт. А затем слово для доклада о деятельности Совета Народных Комиссаров было предоставлено В. И. Ленину. И снова делегаты тепло приветствовали его. Долго не смолкали аплодисменты, и он долго не мог начать речь, улыбался, озабоченно потирал высокий лоб, всматривался в радостные лица. Наконец укоризненно покачал головой, вытащил из жилета часы и показал делегатам. И они успокоились.

Ян Фабрициус подался вперед, стремясь лучше рассмотреть вождя и услышать каждое его слово. Владимир Ильич говорил просто, словно беседовал с друзьями. Он напомнил о том, что Советская власть живет уже 2 месяца и 15 дней — на 5 дней больше

Парижской коммуны, и находится в гораздо более благоприятном положении.

Парижские пролетарии «не имели аппарата, их не поняла страна,— мы сразу же опирались на Советскую власть и поэтому для нас никогда не было сомнения в том, что Советская власть пользуется сочувствием и самой горячей, самой беззаветной поддержкой гигантского большинства масс, и что поэтому Советская власть непобедима».

Фабрициус заметил, как наполнился вдохновенной силой голос Ленина, когда он заговорил о первых победах в гражданской войне, которые достигнуты Советской властью потому, «что с самого начала она стала осуществлять исконные заветы социализма, последовательно и решительно опираясь на массы, считая своей задачей самые угнетенные, забытые слои общества пробудить к живой жизни, поднять к социалистическому творчеству. Вот почему старая армия, армия казарменной муштровки, пытки над солдатами, отошла в прошлое. Она отдана на слом, и от нее не осталось камня на камне».

А затем Ленин рассказал случай, который пробудил у Фабрициуса воспоминания детства. Владимир Ильич вспомнил знаменательный разговор пассажиров в вагоне поезда Финляндской железной дороги, свидетелем которого он был. Старушка-финка сказала: «Теперь не надо бояться человека с ружьем. Когда я была в лесу, мне встретился человек с ружьем, и вместо того, чтобы отнять от меня мой хворост, он еще прибавил мне». И эта старая женщина показалась Фабрициусу очень похожей на его мать, Грету Фабрициус, которая боялась ходить в соседний лес барона Бера и даже за лекарственными травами бегала тайком.

На серьезные размышления натолкнул Фабрициуса вывод Ленина, сделанный в связи с рассказанным случаем. Народные массы «говорят себе: теперь не надо бояться человека с ружьем, потому что он защищает трудящихся и будет беспощаден в подавлении господства эксплуататоров», — подчеркнул Владимир Ильич.

Ведь это о нем, Яне Фабрициусе, о его товарищах по полку говорит Ленин. Это они теперь защищают трудящихся, их революционные завоевания. Кто, как не они, должны влиться в новую, революционную армию, Красную Армию, которая начинает формироваться!..

6

В ночь на 19 января состоялось заключительное заседание съезда. На нем был оглашен проект «Основного закона о социализации земли». Фабрициус уже был знаком с ним, так как присутствовал на его обсуждении большевистской фракцией съезда. Бывший батрак Ян Фабрициус без всяких колебаний поддержал этот закон. Отныне право пользоваться землей принадлежит лишь тем, кто обрабатывает ее собственным трудом. Справедливость торжествует! Отец, мать и его братья получают пашню и луга в вотчине барона Бера. И не только в Курляндии, а всюду крестьяне обрадуются этому закону и скажут спасибо Советской власти, безвозмездно передавшей в их пользование самое дорогое — землю-кормилицу.

Председательствующий Я. М. Свердлов внес предложение принять проект без прений. Против выступили правые социалисты-революционеры, но они оказались в ничтожном меньшинстве...

В зале наступила особенная тишина, когда Я. М. Свердлов стал называть фамилии тех, кто вошел в новый состав Центрального Исполнительного Комитета. Первым был назван Ленин, затем его верные ученики и соратники: Свердлов, Дзержинский, Луначарский, Петровский, Фрунзе...

Делегат от латышских стрелков невольно вздрогнул, когда с трибуны назвали: «Фабрициус». И не поверил: неужели его выбрали в члены правительства? Ведь никаких особых заслуг у него нет...

Раздумья прервали аплодисменты. Фабрициус поднял голову и увидел на трибуне Ленина. Он произнес надолго запомнившиеся слова:

— Товарищи, перед закрытием Третьего съезда Советов следует с полным беспристрастием установить ту историческую роль, которую сыграл этот съезд в истории международной революции, в истории человечества. Можно сказать с неоспоримым основанием, что Третий съезд Советов открыл новую эпоху всемирной истории, и ныне, в условиях мировой революции, все значение этого съезда начинает сознаваться все более и более. Этот съезд, закрепивший организацию новой государственной власти, созданной Октябрьской революцией, наметил веки грядущего социалистического строительства для всего мира, для трудящихся всех стран.

Ян Фабрициус слушал и думал о том, что ему, сыну батрака, посчастливилось участвовать в утверждении важнейших политических документов: «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», «Основного закона о социализации земли», постановления об основных положениях Конституции РСФСР и резолюции, одобряющей деятельность Центрального Исполнительного Комитета и Совета

Народных Комиссаров. И вместе с чувством гордости появилось чувство повышенной ответственности за претворение в жизнь всех принятых решений. Именно к этому призывает делегатов Ленин:

— Вы разойдетесь по местам и приложите все силы к организации, закреплению нашей величайшей победы

Делегаты встали и овацией подтвердили готовность отдать все силы во имя победы.

Свердлов объявил III съезд Советов закрытым...

Из Таврического дворца Ян Фабрициус вышел вместе с земляками — членами ВЦИК — Петром Стучкой, Карлом Петерсоном и Робертом Эйдеманом. Под сапогами звонко хрустел свежий снег. Женщина, закутанная вязаным платком, расклеивала какие-то небольшие объявления. Подошли вплотную, прочли:

«Извещение от Совета Народных Комиссаров.

По техническим условиям хлебный паек может быть увеличен до $\frac{1}{2}$ фунта только с 21 января. 19 и 20 будет выдано по-старому, т. е. $\frac{1}{4}$ фунта.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)...

Фабрициус надвинул на лоб папаху, угрюмо сказал:

— Тяжело, очень тяжело Владимиру Ильичу подписывать такой документ, а надо...

— Да, необходимо. Мир и хлеб — это вопросы жизни и смерти, — тихо произнес Стучка.

Где-то близко, должно быть на Шпалерной улице, грохнул выстрел. И еще один. Земляки переглянулись. Бывший прапорщик Роберт Эйдеман определил:

— Револьверные. Странно. В центре города.

— Бандиты развелись повсеместно,— сказал Карл Петерсон, поправляя теплый шарф на больном горле.— Так что учтите — нужно всегда иметь при себе оружие... Всегда!

7

...Днем 19 января Ян Фабрициус собрал мешок, почистил винтовку и простился с приютившими его товарищами из сводной смольнинской роты. Только собрался уходить, как зазвонил телефон. Командир роты Ян Петерсон, переговорив с кем-то, повернулся к Фабрициусу:

— Ян, тебя вызывают к товарищу Свердлову.

Фабрициус поспешил к Председателю ВЦИК.

Яков Михайлович поздоровался, спросил:

— Чем занимаетесь?

— Собираюсь в дорогу. В свой полк.

— Ну что вы Дорога отменяется. Мы ввели вас в расширенный состав пленума ВЦИК и определили в военную секцию. Не удивляйтесь. Вас рекомендовали авторитетные латышские товарищи. Вот документы по формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Ознакомьтесь и приступайте к работе.

Фабрициус взял тощую папку, сел на стул.

— Не здесь,— остановил Свердлов.— Ваше служебное место в сороковой комнате Таврического дворца. Там есть стол, а все остальное добывайте сами. По всем деловым вопросам обращайтесь к члену Всероссийской коллегии по формированию армии Николаю Ильичу Подвойскому, а в его отсутствие — к Константину Александровичу Мехоношину или Валентину Андреевичу Трифонову. Это очень опытные товарищи, и я надеюсь, что вы с ними быстро работаетесь.

Зазвонил телефон. Свердлов снял трубку. Фабрициус растерянно произнес: «Так я пойду», — и торопливо вышел из комнаты. Какая крутая и неожиданная перемена! Подумать только: старший унтер-офицер введен в военную секцию Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и должен отвечать за формирование новой армии! Какая огромная ответственность! А военного образования и опыта нет. Однако не пойдешь и не скажешь: не могу, товарищ Свердлов, освободите. Ведь он сказал, как приказал: «Ознакомьтесь и приступайте к работе».

В сороковой комнате стояли три новых, пахнущих сосной стола и три мягких стула. Фабрициус выбрал самый прочный стол. Раскрыл папку. В ней было несколько документов: два декрета Совнаркома, принятые 15 января, и знакомое Яну Фабрициусу Обращение III Всероссийского съезда Советов к трудовому казачеству.

Фабрициус трижды прочел Декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Обдумал каждый пункт. Усвоил главное: новая армия строится на добровольных началах. Для ее организации отпускается 20 миллионов рублей. Сумма крупная, но ведь и армия нужна огромная. Пожалел о том, что в папке не оказалось инструкций и конкретных заданий. Решил — последуют позже.

Уже стемнело, когда Фабрициус спохватился, что он сегодня еще не обедал. Да и поужинать, пожалуй, не удастся. Сухой паек еще вчера кончился, а в смольнинской сводной роте скорее всего считают, что он выбыл по месту службы. Да, надо сообщить в 1-й Усть-Двинский полк, что выехать не может,

так как выполняет поручения ВЦИК, и, конечно, рассказать, как прошел съезд. Ведь обещал.

Спрятав папку в ящик стола, Фабрициус пошел к латышским стрелкам. Может, что-нибудь осталось у них на кухне.

Командир роты Ян Петерсон встретил Фабрициуса вопросом:

— Ты где пропадал и отчего такой грустный?

— С сего дня служу в военном отделе ВЦИКа. А грустный оттого, что чертов живот пищи требует. Не осталось ли чего... на зубок?

— Поздравляю с повышением! — улыбнулся Петерсон и двумя руками потряс ручищу Фабрициуса. — Как же такое начальство да не покормить!

— Слушай, перестань насмешничать!

— Подожди, подожди, скоро генералом будешь, — не унимался Петерсон

— Да ты вроде моей мамашки. Когда я вернулся из Варшавы в новенькой форме лейб-гвардейца, она очень обрадовалась и долго ходила вокруг и приговаривала: «Ну форменный генерал. Как есть генерал». Обиделась, когда я сказал, что всего-навсего старший унтер-офицер. Мои погоны спрятала в сундук и задумчиво так произнесла: «Тебе форма к лицу. И ростом вышел. Я-то знаю: будешь генералом...»

— Вот ее предсказание понемножку и сбывается. Ладно, пойдем к повару.

Усталый повар показал на пустой котел:

— Если бы чуть пораньше пришли... выкроил бы порцию.

— А что это в кастрюльке? — спросил Петерсон.

— Оставил двум патрульным... Да вот пока не вернулись...

— Как это понимать?

— Ну как не возвращаются... Может, ранены, а может, и наповал...

— Разберусь. А сейчас покорми товарища Фабрициуса.

— Не надо,— отказался Фабрициус.— Патрульные должны вернуться.

Петерсон посмотрел на часы, сказал с горечью:

— Поздно... Вероятно, что-то случилось. Ешь, Ян, пока дают...

— А как завтра быть с товарищем Фабрициусом? — спросил повар.

— Кормить! Я договорюсь о пайке с комендантом Мальковым,— ответил Петерсон и ушел.

Фабрициус как-то незаметно съел всю кашу, но голода не утолил. Попросил кипяточку, посочувствовал повару:

— Трудная у тебя должность, кормилец. Ведь небось все добавки просят?

— Вначале просили и, если не давал, бранились, а теперь смирились. Поняли...

Фабрициус вернулся к командиру роты, спросил:

— Ну, как с патрульными?

— Наводим справки в больницах и моргах. Пока не обнаружили...

— Дезертирство исключено. Значит, нападение?

— И не первое. Двадцать девятого ноября мы поехали, чтобы арестовать вожаков кадетов. На обратном пути нас внезапно обстреляли. Двух убили, а меня тяжело ранили в грудь. Привезли сюда чуть живого. Нужна срочная операция, а врача нет. Комендант Мальков доложил Ленину. И Владимир Ильич приказал незамедлительно отыскать и привезти лучших хирургов. Вот так и спас мне жизнь...

На другой день Ян Фабрициус направился во Всероссийскую коллегию по организации армии.

Народный комиссар по военным делам Николай Ильич Подвойский встретил его радушно:

— Рад лично познакомиться с вами, товарищ Фабрициус. Я, знаете ли, запомнил вас по выступлениям на солдатской секции ВЦИКа. Сейчас, к сожалению, не могу уделить вам должного внимания, так как меня только что вызвал Бонч-Бруевич.

— Приду завтра.

— Нет, нет!..

Подвойский подошел к соседнему столу, попросил:

— Валентин Андреевич, примите, пожалуйста, товарища Фабрициуса,— и быстро удалился.

Валентин Андреевич протер платком очки, показал на стул, отрекомендовался:

— Член Всероссийской коллегии по организации новой армии Трифонов. Чем могу быть полезен?

Фабрициус на глаз определил возраст собеседника: около тридцати будет. В армии не служил: близорук; так какая же от него польза в коллегии? Однако по декрету Ленина назначен,— значит, государственный человек.

И, прервав затянувшуюся паузу, Фабрициус попросил:

— Познакомьте меня, пожалуйста, с формированием воинских частей Красной Армии.

Трифонов придвинул к себе какую-то таблицу, сказал:

— Хвалиться пока нечем. Недавно создали отряд особого назначения для поддержания порядка здесь, в столице. Сейчас командующий Петроградским во-

енным округом Еремеев формирует первый корпус Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

— Мне кажется, ваши сведения недостаточно точны. Еще в начале января четыре полка новой армии сформированы в районе рижских позиций. И еще следует приплюсовать к числу первых частей Красной Армии девять латышских полков.

— Оказывается, вы осведомлены лучше меня. А вот как вы считаете: устоят ли на боевых позициях новые полки, сформированные из солдат старой армии, если вдруг нажмут немцы?

Вопрос оказался трудным, и Фабрициус ответил не сразу:

— Вступали-то они добровольно. Но все-таки есть сомнения. Истосковались мужики по дому, по земле. По весне как бы не разбежались... Вот если бы к фронтовикам добавить красногвардейцев из партийцев. Как цемент...

— Вот-вот, как цементирующий состав. Только красногвардейцев у нас под рукой маловато осталось. Изрядно поредел питерский рабочий класс.

— Может, я ошибаюсь, но сильно тревожусь: упущен момент. Надо было формировать нашу новую армию сразу после разгрома керенщины. И по всей России. Ведь воевать долго придется. Внутри поднимаются сволочи. Да и снаружи полезут...

— Все куда сложнее и труднее, чем нам кажется. Придет время — историки разберутся... А нам нужно думать о том, как быстрее создать нашу армию.

Трифонов выжидающе посмотрел на собеседника. Фабрициус промолчал. Тогда Валентин Андреевич стал рассказывать о том, как идет вербовка по районам Петрограда. Он был особенно озабочен тем, что

недостаточно активно ведется отбор в запасных полках опытных унтер-офицеров, которые могли бы после краткосрочных курсов стать взводными и ротными командирами.

Разговор стал совсем дружеским, когда выяснилось, что оба побывали в ссылке и когда-то шли одним этапом...

В тот же день Фабрициус познакомился с командующим Петроградским военным округом Константином Степановичем Еремеевым. От него узнал, что уже формируются пехотные батальоны, артиллерийские батареи, кавалерийские эскадроны и обозы, которые войдут в 1-й корпус Красной Армии. Измученного, худого (в чем душа держится) командующего непрерывно отвлекали телефонные звонки, и цифровые данные Фабрициус так и не собрал. Однако уяснил: пока нет ни одного полка полного состава. И Фабрициус сделал для себя вывод: надо заняться районными вербовочными комиссиями. От них зависит комплектование частей и специальных команд.

9

За пять дней Фабрициус побывал во всех районных Советах Петрограда. Убедился в том, что вербовочные комиссии созданы, но работают скверно. В Невском районе ограничились сбором резолюций, одобряющих Декрет об организации РККА. На Васильевском острове выявлено всего 153 добровольца. Председатель вербовочной комиссии Нарвского района похвалялся, что на «Скоророде» в Красную Армию вступают 5400 человек. Фабрициус усомнился в реальности столь внушительной цифры и поехал на фабрику. Оказалось, что переписали всех участ-

ников митингов, проголосовавших за создание новой армии,— и мужчин, и женщин, и подростков. Фабрициус попросил председателя заводского комитета отобрать только здоровых, способных нести военную службу парней, а из молодых работниц организовать санитарный отряд.

На Выборгской стороне в работе вербовочной комиссии активно участвовала секретарь райкома, в прошлом профессиональная революционерка, Евгения Егорова, она же Марта Лепинь, из Руиены. Она сообщила Фабрициусу, что от их района в Московские казармы отправлены две роты добровольцев. Поблагодарив землячку, Фабрициус решил посмотреть, чем занимаются новобранцы.

В казармы прошел беспрепятственно. В холодном учебном зале инструктор объяснял взаимодействие частей затвора винтовки. Вокруг него толпились будущие стрелки.

Фабрициус отозвал в сторону молоденького красноармейца и спросил:

— Что вы усвоили, товарищ?

— У меня рост подкачал. Не вижу, что там показывают

— А еще чем вы занимаетесь?

— Проводится час политграмоты. А вот строевой подготовки еще не было. Командиров-то нет.

— Пришлем командиров,— пообещал Фабрициус и вышел из казармы.

Вспомнил разговор с Трифоновым и убедился в правоте его совета: «Необходимо скорее отбирать унтер-офицеров в запасных полках столичного гарнизона. Среди них есть опытные, знающие военное дело младшие командиры. Нельзя медлить: ведь идет демобилизация пятнадцати возрастов старой

армии. Унтер-офицеры могут разъехаться по домам». Фабрициус заторопился в Смольный. Решил зайти прямо к Свердлову. Повезло: у Якова Михайловича никого не было.

— Заходите, заходите, товарищ Медвежатник,— близоруко щурясь, сказал Свердлов.— А вы заметно похудели: харчей мало, а забот много.

— Заботы и привели к вам, Яков Михайлович.— И Фабрициус рассказал о том, как выполняется Декрет о создании Красной Армии. Невесело подытожил:

— Мир еще не заключен, и если немцы двинутся в наступление, то Петроград прикрыть, скажу прямо, нечем. Старую армию распускаем, а новой-то ведь нет...

На бледном, усталом лице Свердлова появились красные пятна. Строго спросил:

— А что вы конкретно предлагаете?

— Надо по-другому организовать деятельность вербовочных комиссий. Меньше митинговать, больше заниматься конкретной разъяснительной работой среди трудящихся. Скорее и как можно больше готовить инструкторов из бывших унтер-офицеров. И еще,— Фабрициус замялся,— надо как-то поднять весь народ, обратиться к нему за помощью...

— Ну что ж, надо подумать, как это сделать. Например, провести день Красной Армии...— задумчиво сказал Свердлов и тут же крупно написал на листке: «В воскресенье 28 января провести день Красной Армии». Посмотрел на часы, покачал головой: — Как быстро летит время! Ваши соображения считаю весьма полезными. Прошу вас изложить их письменно и вручить эту записку товарищу Подвойскому. Кроме того, подготовьтесь к выступлению

Ян Фабрициус —
рядовой лейб-гвардии Литовского полка
1898 год

**III Всероссийский съезд Советов рабочих,
солдатских и крестьянских депутатов
Петроград, январь 1918 года**

Запись добровольцев в Красную Армию
1918 год

Вступление частей Красной Армии в Ригу
Январь 1919 года

Группа участников подавления Кронштадтского мятежа, сфотографировавшаяся вместе с В. И. Лениным. 23 марта 1921 года.

Первый выпуск красных командиров
Объединенных курсов командного состава РККА во главе
с начальником и комиссаром курсов Я. Ф. Фабрициусом.
1922 год.

**Член Реввоенсовета Республики
Серго Орджоникидзе (третий справа),
командир кавалерийского корпуса Григорий Котовский
и командир стрелкового корпуса Ян Фабрициус
1924 год**

Пролетарии всех стран, соединитесь!

**ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)
ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТРОЛЬНАЯ КОМИССИЯ**

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ № 172

Предъявитель сего тов. *Фабрициус*

Ян Фришевич

является членом Центральной Контрольной Комиссии
Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков),
избранным пятнадцатым Съездом партии.

Секретарь ЦК

Москва, 1927 г.

Председатель ЦКК

Билет члена Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б)
Я. Ф. Фабрициуса.

Герои гражданской войны комкор Я. Ф. Фабрициус
и комдив С. С. Вострецов. 1927 год.

**Я. Ф. Фабрициус и Н. Д. Каширин
на заседании IV сессии ЦИК СССР.**

на митинге двадцать восьмого января. Свяжитесь с Алексеем Ивановичем Окуловым. Он опытный пропагандист и агитатор, прекрасный оратор и рад будет помочь вам.

Фабрициус встал:

— Слушаюсь! Разрешите идти.

— Ну зачем же так официально,— улыбнулся Свердлов.— Желаю успеха! А сейчас советую вам отдохнуть, выспаться...

10

В воскресенье 28 января 1918 года по всем районам Петрограда прошли массовые митинги. На них выступали М. И. Калинин, А. В. Луначарский, В. И. Невский, Н. И. Подвойский, П. Е. Дыбенко, А. И. Окулов, В. А. Трифонов, А. И. Слуцкий, К. С. Еремеев. Они призывали собравшихся всемерно поддерживать Рабоче-Крестьянскую Красную Армию и вступить в ее ряды.

Ян Фабрициус выступал в кинотеатре «Жар-птица». В зале собрались живущие поблизости рабочие Нарвской заставы. Речь Фабрициуса была короткой, но яркой и убедительной — больше половины присутствующих вступили в Красную Армию.

На следующий день в казармы Новочеркасского, Московского и Преображенского полков пришло такое пополнение, которое позволяло полностью укомплектовать шесть батальонов 1-го корпуса. Особенно радовало, что в новую армию добровольно вступили и некоторые бывшие унтер-офицеры, которых можно ставить на должности командиров взводов и рот.

Как-то в разговоре с Фабрициусом Еремеев посетовал, что приходится приспособлять для Красной Армии старые уставы, наставления и руководства,

так как ничего другого нет. Этот разговор невольно подтолкнул Фабрициуса к осуществлению давнего замысла — заняться изучением военного дела. В книжных магазинах на Литейном он купил подержанные уставы и руководства. Удалось также приобрести две тоненьких книжки: А. В. Суворова «Наука побеждать» и М. И. Драгомирова «Начальник и подчиненные». Их прочитал в первую очередь и нашел много поучительного. Кое-что не понял и обратился за разъяснениями к своим новым друзьям, членам ВЦИК — Роберту Эйдеману и Алексею Окулову. Слушая их, восхищался и завидовал: «Какие они образованные, сколько книг прочитали!» Завидовал и учился у них.

Иногда (очень редко) Ян Фрицевич выкраивал время, чтобы написать обстоятельное, серьезное письмо своей родственнице, Эмме Германовне Фабрициус. От нее получал добрые письма и пылкие наивные стихи, под которыми стояла подпись «Талрита» («Утренняя заря»). Во второй половине февраля Фабрициус отправил Эмме-Талрите большое письмо:

«Приветствую многоуважаемую родственницу! Прощу передать привет Вашим родным...

Мы давно уже не воюем. Теперь производится полная демобилизация старой армии. Латышские стрелки вступили в Красную Армию и поехали в глубину России воевать со слугами контрреволюции. Если бы они этого не сделали, контрреволюционные силы со временем проглотили бы Прибалтику.

Латышские стрелки должны были выехать на помощь своим русским товарищам. Если в Петрограде и в Москве буржуи успели бы взять верх над рабочими, солдатами и крестьянами, тогда господа

по всей России ввели бы для малых народов еще более страшные порядки, чем были при кровавом царе Николае. Поэтому всем российским народностям надо бороться сообща... с всемирным врагом — империалистической буржуазией.

Нам надо сражаться до Победы...

Я теперь работаю в Петрограде — в Центральном Исполнительном Комитете.. Очень много работы.. В Исполнительном Комитете теперь так много работы, что прямо не знаю с чего начинать. Я имел право поехать домой. Ведь все мои одноклассники разъехались из армии, а я остался, как избранный на государственную службу. Я послал письмо своим в Курляндию, но до сих пор ответа не получил.

У нас в Петрограде очень мало хлеба. Надо жить в полуголоде».

11

...В полдень 18 февраля в военный отдел ВЦИК вбежал Алексей Окулов и, задыхаясь от волнения, сообщил:

— Германские войска начали наступление... по всему фронту...

— Не может быть! — не поверил Фабрициус.— Ведь шли переговоры о мире.

— Переговоры слишком затянулись. Немцы выбрали самый подходящий момент: когда проходит демобилизация пятнадцати возрастов русской армии.

— Теперь всех надо ставить в строй. Всех способных держать винтовку.

— Я иду к Свердлову. Он сейчас должен вернуться с экстренного заседания ЦК.

И Окулов торопливо вышел.

Фабрициус прижал ладони к ноющим вискам.

Какая страшная новость! По дорогам родной Латвии идут немецкие полки. И некому их остановить... Латышские стрелки переброшены на внутренние фронты... Германские войска рвутся к Петрограду. Надо во что бы то ни стало задержать их.

Фабрициус поспешил в штаб округа.

Еремеев сидел у развернутой карты. Увидев Фабрициуса, он озабоченно сказал:

— Вот прикидываю, где встретить врага.

— Думаю, что немцы пойдут вдоль железных дорог. На нашем, петроградском направлении самая важная станция — Псков. Если там не остановим — через три дня будут в Питере.

— Ты, пожалуй, прав: надо бить под Псковом. Туда и двинем батальоны первого корпуса. Жаль — маловато активных штыков.

— Пошлем рабочие отряды. На какой пункт их направлять?

— В Смольный. Как в Октябре...

Фабрициус поехал на Нарвскую заставу. В райкоме партии шло совещание: обсуждали, что в первую очередь предстоит сделать в связи с наступлением немцев. Фабрициус от имени ВЦИК предложил немедленно приступить к организации сводного отряда. Тут же выбрали мобилизационный штаб во главе с большевиком-путиловцем Анатолием Богдановым...

Лишь поздней ночью Фабрициус вернулся к себе, в казармы смольнинской роты.

12

Утром Фабрициуса разбудил тревожный шум. Прислушался к возбужденным возгласам и понял: стрелки собираются на фронт. Комиссар отряда Эдуард

Озол пытается успокоить их, но голос его тонет в общем гуле...

Подозвав Озола, Фабрициус посоветовал ему:

— Надо собрать партийцев. И пусть они...

Озол перебил:

— И партийцы мешки собирают. Никто не убедит их, что они не правы. Их тоже понять надо... Не на свадьбу торопятся...

— Вот если бы Ленин выступил перед стрелками, он бы убедил их,— уверенно заявил Фабрициус.

— Ему не до нас. За всю Россию отвечает...

— Я доложу Свердлову и попрошу передать нашу просьбу Владимиру Ильичу.

Свердлов спокойно выслушал сбивчивый рассказ Фабрициуса, покачал головой:

— Нет, этого ни в коем случае нельзя допустить! Латышские стрелки очень нужны здесь. Вопрос весьма серьезный, и я незамедлительно переговорю с товарищем Лениным. Хотя момент крайне неподходящий,— Свердлов посмотрел на часы и предупредил: — Сегодня вечером вы должны быть на объединенном заседании большевистской и левозэсеровской фракций ВЦИКа. Вопрос важнейший — заключение сепаратного мира с Германией...

В этот день Фабрициус побывал на Выборгской стороне. Так же, как и вчера, он прежде всего зашел в райком. Секретарь райкома Евгения Егорова, решительно отложив текущие дела, занялась самым главным — организацией рабочих отрядов. К вечеру собрали два небольших, но хорошо вооруженных партизанских отряда.

Усталый Фабрициус вернулся в Таврический дворец вечером. Успел как раз к началу объединенного заседания фракций большевиков и левых эсе-

ров. Я. М. Свердлов предоставил слово Председателю Совнаркома В. И. Ленину.

Сидевший в первом ряду Ян Фабрициус заметил, что Владимир Ильич заметно похудел, резко обозначились скулы и западали глаза. Вероятно, мало спит и совсем не отдыхает. А говорит как всегда — очень просто и убедительно. Ленин глубоко уверен: необходимо немедленно заключить мир, так как немцы движутся по всему фронту сплошной массой и оказать сопротивление миллионному натиску мы не в состоянии.

Кажется, правдивее и яснее не скажешь, однако сидящие на правой стороне зала левые эсеры мешают оратору выкриками с места, называют этот мир невысказанным, предательским и грабительским. Ленин не отвечал на реплики, приводил неопровержимые доводы и решительно предупреждал о грозящей опасности самому существованию Советской власти.

Совещание закончилось ночью. Никаких решений принято не было. Рядовой большевистской партии Ян Фабрициус воспринял это бурное заседание как своеобразную разведку, которая выяснила силы противников и союзников Ленина в борьбе за немедленный мир — в борьбе тяжелейшей, так как не было единства в самой большевистской фракции ВЦИК. Впервые Фабрициус увидел и услышал так называемых «левых коммунистов», ратующих за «революционную войну» с кайзеровской Германией и не желающих понять ту истину, что воевать некому...

13

...После завтрака к латышским стрелкам пришел комендант Смольного Павел Мальков и громко объявил:

38

— Все свободные от наряда, пройдите в Актовый зал. Там будет выступать товарищ Ленин.— И поторопил стрелков своим любимым словом: — Живо!

Ян Фабрициус не поверил услышанному: ведь вчера Владимир Ильич очень устал, а сегодня снова должен выступать.

Эдуард Озол толкнул Яна плечом, сказал улыбаясь:

— Ян! Ты слышал команду? «Живо!» Пошли...

Когда Озол и Фабрициус вошли в Актовый зал Смольного, первые ряды были уже заняты. Только сели, как появился Ленин в сопровождении Малькова. Разговоры сразу стихли.

Командир роты Ян Петерсон объявил:

— Сейчас товарищ Ленин будет говорить о мире с немцами. Прошу соблюдать тишину!

Владимир Ильич быстро поднялся на трибуну, окинул взглядом сидящих и сразу же перешел к главному вопросу:

— Уважаемые товарищи стрелки! Мне вчера рассказали, что вы против заключения мира с Германией. Вы одни хотите воевать с немцами, в то время как вся Россия требует мира.

Фабрициус заметил, как стрелки недоуменно и неловко переглянулись. Комиссар Эдуард Озол воскликнул:

— Нет у нас такого решения!

А Ленин стал рассказывать о противоречиях между главными воюющими капиталистическими странами, о труднейшем экономическом положении Советской республики и об отступлении деморализованной старой армии по всему фронту. Он говорил о невозможности в нынешних условиях продолжать войну с немцами, так как огромная масса населения

нашей страны требует мира и только немногие фразеры хотят воевать без армии. Свою речь Ленин закончил так:

— Крестьянин и солдат России хочет мира. Он больше не может и не хочет воевать. Мы обещали мир, когда взяли власть, и вы, латышские стрелки, нас тогда поддержали. Теперь воевать с немцами мы не можем. Какой бы мир мы ни заключили, он будет лучше войны, потому что сохранит Советскую власть... Взоры трудящихся всего мира обращены теперь на нас. Мы должны спасти Советскую Россию для строительства социализма как путеводную звезду для пролетариата Западной Европы. Недалек час, когда и там произойдет революция. Тогда и ваша Латвия будет свободна от немецких захватчиков, тогда рухнут и все навязанные договоры.

Ленин сел за стол президиума.

В зале воцарилась тишина.

Командир роты Ян Петерсон поднялся на трибуну и громко спросил:

— Не желает ли кто-нибудь высказаться?

Стрелки ответили:

— Нет. Нечего говорить. Все понятно...

— Мы присоединяемся к сказанному...

Тогда Петерсон подошел к столу и сообщил Ленину, что латышские стрелки не принимали решение против заключения сепаратного мира. Правда, были желающие добровольно поехать на фронт, но теперь все остаются на своих постах.

Павел Мальков громко спросил:

— Все ли понимают по-русски?

— Поняли. Все поняли,— прозвучали голоса.

Ленин, Мальков и Петерсон вышли из зала. И стрелки стали расходиться.

...Утром 22 февраля в военном отделе ВЦИК Ян Фабрициус узнал тяжелые вести: немцы захватили Венден, Валк, Режицу и вышли на псковское направление. В Петрограде был создан Комитет революционной обороны.

Хмурый, шатающийся от бессонницы Алексей Окулов принес пахнувшие типографской краской листки с декретом-воззванием Совнаркома «Социалистическое отечество в опасности!» и разложил по столам.

Совнарком призывал рабочих Петрограда и других городов и районов страны, находившихся под угрозой вражеского нашествия, создавать укрепления и дать отпор агрессору.

Фабрициус прочел и красным карандашом подчеркнул два первых пункта постановления Совнаркома:

«1. Все силы и средства страны целиком предоставляются на дело революционной обороны.

2. Всем Советам и революционным организациям вменяется в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови».

Бережно свернул листок и положил в походную сумку. Окулову сказал:

— Выезжаю к рабочим Невского района.

— Но часам к девяти вечера будьте здесь. Намечается очень важное совещание...

В Невском районе Фабрициус пробыл весь день. Привез две резолюции. Рабочие Невского судостроительного и Александровского заводов постановили: всем выступить на защиту Петрограда.

В Смольном узнал, что экстренное совещание военных специалистов, на котором он должен при-

сутствовать, состоится в комнате № 75 после 12 часов.

Фабрициус пошел к стрелкам. Попросил дежурного поднять его через два часа, лег и сразу уснул. И вдруг проснулся. Тревожно, громко, протяжно ревели гудки. Они будили рабочих, звали их к оружию. Где-то близко набатно гулко звонили колокола. От непрерывного нарастающего рева и звона зябко дрожали стекла.

Фабрициус заторопился на совещание. В 75-й комнате он увидел членов Комитета революционной обороны Н. И. Подвойского и К. А. Мехоношина. Фабрициус подсел к ним. Прислушался к разговору и понял: обсуждают обстановку на псковском направлении.

В комнату вошли и уселись у стола пять генералов — в военной форме, но уже без погон и орденов. Вскоре появился и Владимир Ильич Ленин. Сел. Щурясь, стал внимательно вглядываться в большую десятиверстную карту, включавшую Петроград, Финский залив, Нарву, Гдов, Чудское озеро... Затем сказал:

— Итак, товарищи военные специалисты, прошу вас ответить на три вопроса: будут ли немцы брать Петроград? Следует ли защищать Петроград? Остаться ли правительству в Петрограде?

Из кармана пиджака Владимир Ильич достал блокнот и карандаш.

В комнате наступила тишина, нарушаемая приглушенными, но тревожными гудками.

Фабрициус заметил: вопросы озадачили генералов. Пожимая плечами, переглядывались, глазами умоляли Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича выступить первым. А тот, по-видимому, думал о том,

как лучше обосновать свои выводы. Тишина была затяжной, тягостной. У Фабрициуса невольно мелькнула мысль: «Генералы считают дело таким безнадежным, что и говорить не хотят. А может быть, боятся сказать то, что думают». Фабрициус посмотрел на озабоченное, усталое лицо Ленина и, желая прервать затянувшуюся паузу, робко попросил:

— Разрешите мне высказать свои соображения?
Ленин кивнул головой.

Фабрициус встал и сразу же почувствовал: все смотрят на него. Кто-то шепнул: «Вот еще стратег нашелся». Фабрициус резко выпрямился, привычным движением пальцев вдоль ремня расправил гимнастерку и, с трудом подбирая слова, сказал:

— Присутствующие, вероятно, сомневаются в моей военной подготовке. Да, я сын батрака и, к сожалению, военной академии не кончал. Однако я прошел фронттовую школу и по опыту знаю, что, отсиживаясь в обороне, врага не победишь. Надо идти на поле боя. Революция должна сохранить за собой инициативу. Укреплять Таврический, строить баррикады в закоулках — удел трусов и паникеров. К массам, в поле, в открытый бой — вот наша тактика. Военные работники ВЦИКа должны быть на переднем крае. Владимир Ильич, прошу вас отправить меня на любой участок петроградского фронта.

Опускаясь на стул, Фабрициус услышал колючую реплику: «Прописные истины» — и с горечью подумал о своем провале — ведь он не ответил на вопросы Ленина. Старший унтер-офицер полез в стратегию и... сорвался. Даже подготовленные мобилизационные данные забыл привести. А было бы кстати. Вздрыгнул, услышав спокойный голос Владимира Ильича:

— Правильно, совершенно правильно. Всех наших военных товарищей мы незамедлительно направим на фронт. Там они больше принесут пользы. Итак, почин сделан. Я жду замечаний ваших коллег, Михаил Дмитриевич.

И специалисты заговорили. Их выступления были краткими, насыщенными убедительными данными, и казалось, что они не выступают, а читают уже готовые боевые приказы. Потрясающей по стройности изложения и логике выводов была речь генерал-лейтенанта Бонч-Бруевича, который когда-то тоже служил в известном Фабрициусу лейб-гвардии Литовском полку.

Мнения выступавших свелись к следующим ответам на вопросы, поставленные Лениным:

— Немцы Петроград брать не будут.

— Создавать далеко выдвинутую оборону не следует.

— Правительству необходимо выехать из Петрограда.

Ленин согласился с мнениями военных специалистов и попросил их изложить свои соображения о мерах обороны Петрограда, рассчитывая на единственно реальную военную силу — отряды рабочих и матросов.

15

После совещания Фабрициус вышел на площадь и не узнал ее. На белых колоннах Смольного алели отблески костров. Вооруженные винтовками люди стояли плотным кругом и тянули озябшие руки к жаркому пламени. Говорили вполголоса. Ждали команды «стройся!». Их командиры получали предписания в Комитете революционной обороны и уво-

дили отряды на главные направления — под Псков и Нарву. Уходили торопливо, молча, только снег надрывно скрипел под ботинками, сапогами, валенками. А пылающие костры окружали вновь подошедшие красногвардейцы.

Взволнованный Фабрициус прошел в комнату Комитета революционной обороны и сразу же получил задание от Н. И. Подвойского:

— Проверьте, все ли отряды имеют оружие. Невооруженных отправляйте в Преображенские и Новочеркасские казармы...

Вечером Фабрициус участвовал в объединенном заседании фракций большевиков и левых эсеров ВЦИК.

Заседание открыл Я. М. Свердлов, напомнивший о том, что к утру следует дать ответ германскому командованию и поэтому ораторы должны быть предельно краткими.

Первый оратор, главковерх Крыленко, был немногословен. Главный тезис его речи — у нас нет силы, которая могла бы остановить неприятеля, и только немедленное подписание мира спасет Советскую власть от гибели.

Левые эсеры проводили Крыленко криками и свистом и направили на трибуну своего лучшего оратора — противника мира Штейнберга. Яростно размахивая руками, он называл большевиков изменниками, штрейкбрехерами, предателями революции.

Выслушав эту высокопарную речь, Ян Фабрициус понял: с левыми эсерами не столкнешься; по всему видно, что они временные союзники.

Гневно и сурово выступил против сторонников «революционной войны» В. И. Ленин. В его речи прозвучала твердая уверенность в окончательной побе-

де, основанная на реальном учете противоборствующих сил, на умении отступать и наступать.

Затем состоялось совещание фракции большевиков. Было принято решение — на заседании ВЦИК голосовать за ленинские предложения о принятии условий мира, предложенных Германией.

Экстренное заседание ВЦИК открылось 24 февраля в три часа ночи в Таврическом дворце. И снова Ян Фабрициус увидел на трибуне Ленина. И удивился: как это он еще держится на ногах? Ведь третьи сутки не отдыхает. А какое мужество, какая сила в его словах:

— Надо смотреть губительной истине прямо в лицо: перед нами угнетатель, поставивший колено на грудь, и мы будем бороться всеми средствами революционной борьбы. Но сейчас мы находимся в отчаянно трудном положении, наш союзник не может поспешить на помощь, международный пролетариат не может прийти сейчас, но он придет. Это революционное движение, не имеющее сейчас возможности дать военный отпор неприятелю, поднимается и этот отпор даст позже, но даст его.

Уверенность Ленина в том, что грабительский мир будет ликвидирован, передалась слушателям...

В 4 часа 30 минут поименным опросом выявилась победа сторонников мира: 116 голосами против 85 и при 26 воздержавшихся ВЦИК постановил принять предложенные германским командованием условия мира. Это решение председатель Совнаркома В. И. Ленин немедленно передал через радиостанцию Царского Села в Берлин.

Рассветало, когда Ян Фабрициус вышел из Таврического дворца. После непрерывных шумных заседаний болела голова. А на сердце было легко и

отрадно. С чувством исполненного долга шел член правительства к рабочим Нарвской заставы для того, чтобы рассказать о только что принятом историческом решении, собрать отряд и выехать на фронт.

По улицам шагали вооруженные рабочие, матросы, солдаты. Спешили к штабу обороны — Смольному. И, провожая их взглядом, Ян Фабрициус с грустью подумал о том, что завтра он расстанется со Смольным и Таврическим. Кончается прекрасная, незабвенная пора. Пятьдесят дней и ночей он работал во Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете, слушал выступления Владимира Ильича Ленина, учился жить и работать по-ленински.

Пятьдесят дней и ночей Смольного определили весь дальнейший жизненный путь Фабрициуса. И позже Ян Фрицевич с гордостью скажет, что главное образование он получил в январе — феврале 1918 года в партийной школе Смольного...

Там, где опаснее

1

...Фабрициус выехал на Гдовский участок фронта с маленьким отрядом — сорока тремя красногвардейцами. Он знал, что уездный город Гдов стоит у большого Чудского озера, противоположный берег которого в настоящий момент занят немцами.

Под унылый стук колес Фабрициус думал о том, как отстоять старинный город, имея всего 43 винтовки и пятьсот патронов.

Поезд задерживался на каждой остановке. На станции Третий разъезд Фабрициус вылез из теплушки и увидел толпу солдат. Похоже, что они едут с фронта. А что, если попробовать уговорить их вернуться назад?.. Подошел к двум бородачам и спросил:

— Кто у вас старший?

— Выборный командир товарищ Блинов.

Приказал:

— Разыщите командира и пришлите ко мне!

Не прошло и минуты, как появился Блинов. По выправке, шагу, внешнему виду Фабрициус догадался, что перед ним бывший кадровый офицер.

— С кем имею честь? — спросил Блинов.

Фабрициус показал мандат № 294 члена ВЦИК и удостоверение военного комиссара Гдовского района.

Блинов прочитал документы, круто повернулся и громко скомандовал:

— Встать! Смирно!

И сразу оборвался разговор, солдаты поднялись, выпрямились.

Блинов глубоко вздохнул и, словно на строевом смотре, торжественно произнес:

— Товарищ военный комиссар! Докладываю: в наличии второй батальон четвертого Копорского полка в пятьсот пятьдесят штыков и команда конных разведчиков в тридцать пять сабель. Командир батальона Блинов.

Фабрициус вышел на середину:

— Здравия желаю, товарищи!

Фронтовики ответили глухо и вразнобой.

Фабрициус подошел к Блинову, сказал:

— Надо организовать митинг. Немедленно!..

Фронтовики стали полукругом у груды бревен. Фабрициус заметил, что все они вооружены винтовками со штыками, на поясах подсумки, саперные лопатки, гранаты. Полный порядок. Да и дисциплина в батальоне поддерживается. Видно, Блинов неплохой командир.

С чего начать, как убедить этих солдат, что война еще не кончилась, что надо спасти Советскую республику? Подумал и вытащил из полевой сумки «Правду» с ленинским декретом «Социалистическое отечество в опасности!».

— Тише, товарищи! — крикнул Блинов. — Слово имеет военный комиссар Фабрициус. Его прислал Ленин.

Солдаты притихли, придвинулись вплотную к оратору.

Фабрициус читал громко, отчетливо произнося

каждое слово. Заметил: слушают внимательно, сочувственно. Прочитав декрет, он сказал:

— Боевые друзья! Вы завоевали добрую славу на рижском фронте. Понимаю — вы устали, соскучились по женам и детям. Только не пришло еще время расходиться по домам. Надо выгнать с нашей земли германских захватчиков, которые хотят лишить нас всего, что мы завоевали, восстановить старые порядки. От имени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, от имени Ленина призываю вас, товарищи, присоединиться к отряду красногвардейцев Нарвской заставы!

Посмотрел на суровые лица солдат и громко произнес:

— Кто хочет служить Советской власти, поднимите руки!

— Все, как один! — воскликнул Блинов.— У нас народ дружный.

— По вагонам! — зычно скомандовал Фабрициус.— Поехали! На Гдов!

2

...В первом часу ночи 27 февраля 1918 года военный комиссар Фабрициус передал в Смольный, в штаб обороны Петрограда, и в Нарвский городской исполком Советов депутатов А. Э. Дауману телеграмму:

«В Гдове спокойно. Выбран новый исполнительный комитет, который приступил к работе. Из остатков 4-го пехотного полка созданы две роты, которые находятся в нашем распоряжении. Город очищается от контрреволюционеров. Буржуазное население разоружается. Выслана застава на дорогу к озеру. До сих пор со стороны Пскова имелась связь до станции Запсковье, которая находится от Пскова в двух

верстах. Прибыл из Нарвы сводный отряд солдат, в том числе подрывная команда и пулеметчики».

Отправив телеграмму, Фабрициус вернулся в штаб, который разместился в доме купца Ильина. Там его ожидал связной Заворин. Щелкнув каблуками, доложил:

— Товарищ комиссар! На станции какая-то конница объявилась. Лезут на поезд, а машинист против.

— А сколько их?

— Не считал, но, видать, много.

— Пойдем и посчитаем.

— Как? Вдвоем?

— Не робей! Справимся...

У паровоза сердито шумела толпа. Раздвигая широкими плечами возбужденных солдат, Фабрициус пробился к паровозу и повелительно крикнул:

— Отставить! Смирно!

Шум стих. Привычно опустив руки по швам, кавалеристы с удивлением рассматривали высокого, сурового человека в потертой солдатской шинели. А он укоризненно и строго произнес обидные, но справедливые слова:

— С фронта бежите, удальцы-молодцы? И куда? В Красный Петроград, который надо защищать здесь до последней капли крови. Так требует Ленин. Верные Советской власти бойцы героически сражаются под Псковом и Нарвой, а в это время вы... Да что с вами, дезертирами, говорить... Кто у вас тут за старшего? Ко мне!..

Кавалеристы потеснились, вперед вышел рослый, подтянутый командир и представился:

— Бывший корнет второго Прибалтийского драгунского полка Новиков.

— Что же это вы в Питер собрались?

— Да я уговаривал драгун вступить в Красную Армию и организовать оборону города, а они галдят: «Хватит! Навоевались!»

— Не уговаривать, а командовать надо, товарищ Новиков. Сколько у вас в строю?

— Сто двадцать всадников. И все голодные...

— Накормим. Ведите в город, на Рыночную площадь...

— Вот с этого и надо было начинать,— сказал стоявший рядом с Василием Новиковым его брат Петр.— Казенные харчи давно кончились... Поехали!

По вокзальной площади раскатисто и звонко прокатилось:

— По ко-ням!..

Фабрициусу удалось убедить кавалеристов присоединиться к своему отряду. Из двух эскадронов бывшего 2-го драгунского полка был сформирован конный отряд под командованием братьев Новиковых. Сводный отряд Фабрициуса вырос до тысячи сорока восьми человек. На базе этого отряда был организован 1-й Гдовский революционный полк.

3

Очень трудно было Фабрициусу наладить снабжение полка продовольствием. Комиссар понимал, что из голодающего Петрограда ничего получить нельзя, надо изыскивать продукты на месте. Выручил склад 295-го запасного пехотного полка, который был расквартирован в Гдове и разошелся по домам. От полка осталась только караульная команда: она исправно несла сытную и спокойную службу. Фабрициус по акту принял склад, а из караульных организовал хо-

зайственный взвод. У местных рыбаков скупил запасы сушеного снетка и снарядил специальную команду для ловли рыбы на Чудском озере.

Фабрициус по несколько раз в день заходил на телеграф — ждал сообщения о заключении мира. Желанная весточка не поступала. Под Нарвой и Псковом шли ожесточенные бои.

2 марта в Гдов прискакал на белом от пены коне крестьянин из Самолвы Василий Молохов и сообщил Фабрициусу о том, что через горловину между Чудским и Псковским озерами переправилось видимо-невидимо германцев, которые все хапают, что им на глаза попадетя.

— Народ только на вас и надеется. Заступитесь, товарищ комиссар, — попросил Молохов.

Фабрициус пообещал:

— Побережье Чудского озера будет очищено от неприятеля. Так и передайте землякам...

Фабрициус сел за стол, по карте прикинул расстояние до Самолвы и задумался. Ясно, что только внезапный удар обеспечит успех. Пехота в Самолву опоздает. Значит, надо использовать конницу. Из отряда Блинова взять конную разведку — полсотни сабель — и влить в отряд Новикова. Получится сто семьдесят всадников. Мало. Ведь немцев «видимо-невидимо». Можно еще поставить станковые пулеметы на легкие санки... И выступать немедленно.

Фабрициус вызвал в штаб Василия Новикова, назначил его командиром сводного конного отряда и поставил боевую задачу.

Собрались по тревоге. Мчались рысью, не отдыхая. Вдали на побережье виднелись высокие столбы огня, и небо над ними было накалено докрасна. Где-то тревожно и гулко бухал колокол.

В Самолву отряд прибыл раньше частей противника. И сразу же Фабрициус приказал занять большой кулацкий каменный дом на пригорке и поставить пулеметы в окнах для стрельбы в упор. Конники затаились в засаде. Седел не снимали...

Ожидание было томительным, но недолгим. Не встречая на пути сопротивления, вражеский полк в походном строю втянулся в длинную деревенскую улицу. По команде Фабрициуса пулеметчики открыли внезапный прицельный огонь. Замыкающие вражескую колонну солдаты повернули назад, но на них обрушилась красная конница. Уцелевшие от гибели сдались в плен.

Фабрициус ликовал: захвачен большой обоз с продовольствием, много оружия и боеприпасов, а главное, более сотни оседланных, сильных и здоровых лошадей. Победа добыта малой кровью: в отряде всего трое раненых. Среди плененных офицеров оказались два капитана в русской форме — бароны Энгельгардт и Вальтер. На допросе они показали, что полк, в который они добровольно перешли служить, должен был до подписания мира занять город Гдов: тогда оккупантам удалось бы оставить за собой все побережье Чудского озера.

Оставив в Самолве наблюдательный пост, Фабрициус с отрядом вернулся в Гдов.

4

4 марта 1918 года Фабрициус получил телеграмму, в которой сообщалось о подписании мирного договора между Советской республикой и Германией. Долгожданное известие обрадовало. Советская страна спасена от грозившей ей гибели! Однако демаркационная линия еще не установлена, и нужно усилить

охрану всего побережья Чудского озера. И Фабрициус направил на границу всех пехотинцев и конников. В Гдове остался прибывший накануне небольшой партизанский отряд, организованный Петроградским комитетом Социалистического союза рабочей молодежи. Молодым добровольцам Фабрициус и поручил нести гарнизонную службу. Военный комиссар побеседовал с каждым из них. Все они горели желанием «сражаться до победы мировой революции». Все они были активистами и агитаторами, а вот метко стрелять не умели, и ползать по-пластунски им не приходилось. Фабрициус решил, что в Петрограде они принесут больше пользы, чем в Гдове, и вскоре отправил их назад. Оставил только Петра Смородина. За плечами у этого двадцатилетнего парня уже было семь лет рабочего стажа и три года участия в революционной деятельности. И с винтовкой Смородин знаком с мая 1917 года — со времени вступления в партию. С виду прост, образование — сельская приходская школа, но весьма начитан и в вопросах текущего момента хорошо разбирается. Настоящий большевик. Его можно смело назначить военкомом 1-го Гдовского революционного полка, а командиром уже выбран опытный фронтовик — Нил Климович Блинов. Наверняка сработаются.

Март месяц был самым трудным для военного комиссара Яна Фабрициуса. Приходилось одному решать многочисленные сложные вопросы становления Советской власти в обширном Гдовском уезде: 30 волостей и ни одной партийной организации. Фабрициус взял на учет всех коммунистов и сочувствующих и организовал городской комитет РКП(б). Была огромная нужда в политически грамотных работниках для укрепления уездного исполнительного

комитета и волостных Советов. И военком Фабрициус обратился в Смольный с докладом, в котором настойчиво просил срочно прислать в Гдов опытных коммунистов и как можно больше политической литературы. Петроград отозвался на эту просьбу и направил в Гдовский уезд группу большевиков с дореволюционным стажем. Все они были уроженцами Гдовщины, хорошо знали местные условия и сумели в предельно короткий срок созвать первый уездный съезд Советов, а также провести перевыборы волостных исполкомов, очистив их от вражеских агентов.

У Яна Фрицевича выработалась привычка подытоживать каждый прожитый день. Он был недоволен собой, если не удавалось выполнить все, что наметил на день. Срочных дел было очень много, так как военком исполнял и обязанности начальника пограничного района. В запросах и рапортах военному руководителю Северного участка отрядов завесы А. В. Шварцу Фабрициус не раз просил прислать в штаб погранрайона опытного военного специалиста. И вот наконец 13 апреля 1918 года в Гдов приехал бывший командир 6-го Финляндского стрелкового полка Михаил Николаевич Васильев, назначенный начальником Гдовского погранрайона. Фабрициус был раздосадован, когда узнал, что новый военрук — полковник старой армии. С недоверием относился Ян Фрицевич к офицерам «высокого ранга».

— С чего начнем? — настороженно спросил он Васильева.

— С рубежей обороны. Покажите их на местности...

«А военрук-то, кажется, деловой», — отметил про себя Фабрициус и согласился:

— Хорошо. Выезжаем завтра. В семь утра...

Выехали точно в семь на бричке. На первых постах, в Ветвеннике и Кунести, задержались всего на несколько минут. Васильев остался доволен. Он убедился в том, что красноармейцы свои обязанности знают, оружие у них в исправности. Обстановка спокойная: неприятель за озером, в сорока верстах.

Однако настроение у Васильева сразу испортилось, когда приехали в деревеньку Сосницы, что прижалась к берегу Теплого озера, соединяющего Чудское озеро с Псковским. Начальник погранрайона озабоченно походил вдоль узкой полосы талой воды, затем поднялся на песчаный бугор и в бинокль осмотрел противоположный берег. Присел на крупный валун. Вытащил из полевой сумки лист бумаги, что-то нарисовал и пригласил:

— Присаживайтесь. Решим небольшую оперативную задачу...

И приступил к ее изложению. Мыс Сосницкий — самый уязвимый на пограничной полосе: здесь ширина озера полверсты. Противник может легко преодолеть эту водную преграду, уничтожить постовых, беспрепятственно продвинуться к Раскопели и захватить базу Чудской озерной флотилии. Что делать? Необходимо срочно оборудовать пулеметные позиции на флангах — у печей рыбной сушки и у деревни Хомутово.

Фабрициус нашел логичным рассуждение военспеца, однако счел нужным заметить:

— У нас нет в резерве людей и пулеметов.

Васильев предложил выход:

— Следует снять пулеметные команды с второстепенных постов и перебазировать сюда. И нужно самим готовить пулеметчиков.

— Надо,— согласился Фабрициус,— и немедленно...

И порадовался: «Похоже, что военрука прислали подходящего. Вовремя подсказал, как устранить уязвимость пограничной полосы. Пример весьма поучительный. Ведь я не раз бывал здесь, а главный просчет не заметил...»

5

30 мая 1918 года начальник Чудской озерной флотилии В. П. Самович прислал в штаб погранрайона донесение о том, что он отстранен от должности и стал помощником по хозяйственной части у нового начальника флотилии бывшего капитана второго ранга Д. Д. Нелидова.

Узнав об этом, Фабрициус, побагровев от возмущения, сказал Васильеву:

— В Чудскую флотилию назначили прохвоста и предателя Нелидова.

— Поясните, чем вызвана столь резкая оценка.

И Фабрициус рассказал о том, что в прошлом месяце пограничники задержали бежавших из Пернова офицеров — Троицкого и Дмитриевского. На допросе они показали, что в Пернове, на квартире купца Лейтмана, проживал некий капитан второго ранга Нелидов, который передал немцам секретный план минных заграждений в Балтийском море. Изменнику хорошо заплатили, и 15 апреля он выехал из Пернова. Показания пленных были отправлены в Гатчину, в штаб Северного участка завесы. А теперь штаб присылает этого самого Нелидова. Чудовищно!

— Советую вам не торопиться с выводами. Вызовите Нелидова, осторожно расспросите его и, если он и есть тот самый шпион, доложите по команде...

На следующий день Нелидов приехал в Гдов. Фабрициус в присутствии Васильева долго беседовал с новым начальником Чудской флотилии. Хотя Нелидов заявил, что он горячий патриот и сочувствует коммунистам, его разглагольствования, некоторые факты его биографии, в частности упоминание о пребывании в Пернове, подтверждали подозрения Фабрициуса. В конце разговора Ян Фрицевич уже с трудом сдерживал раздражение, презрение к предателю. Почувствовав это, Нелидов сказал:

— Вы, кажется, мне не доверяете, товарищ комиссар?

— Доверие и уважение не выдаются в виде пайка, их надо заслужить,— гневно заявил Фабрициус. И, не сумев сдержаться, продолжал: — Кстати, когда вас направляли в Чудскую флотилию, никто не поинтересовался, чем вы занимались в Пернове?

— А чем интересоваться? Я жил там всего два три месяца...

— Какие сведения вы передали немецкой разведке?

— Это что — допрос?

— Отвечайте!

— Немцы интересовались минными заграждениями на Балтийском море. Я наотрез отказался дать эти сведения. Я присягал на верность отечеству...

— Вижу, вижу. Вон отсюда, негодяй!

Испуганный Нелидов выбежал из штаба.

Васильев хмуро проговорил:

— Начали за здравие, а кончили за упокой. Ян Фрицевич, вы чудесной души человек, но есть у вас большой недостаток — чрезмерная горячность. Советую: когда почувствуете, что раздражение пере-

ходит в неистовство, посчитайте про себя до дюжины. В данном случае это правило нужно было применить после того, как вы резонно заметили Нелидову о доверии и уважении, которые надо заслужить делом. А вот о ваших догадках по поводу того, что этот прохвост передавал секретные сведения немецкой разведке, кричать не следовало. Вы раньше времени раскрыли свои планы...

— За добрый совет спасибо. Нервы подводят. Теперь и вы убедились: Нелидов — предатель. О нем надо сообщить в Москву.

— И чем скорее, тем лучше.

Фабрициус написал рапорт во Всероссийское бюро военных комиссаров, в котором потребовал отстранить Нелидова от должности начальника Чудской озерной флотилии и предать суду военного трибунала.

...В начале июня Фабрициуса назначили военным комиссаром формирующейся 2-й бригады 6-й Петроградской дивизии. Комбригом стал М. Н. Васильев.

В конце месяца Фабрициус побывал в Москве на совещании военных комиссаров. Поездкой он остался доволен: встретил старых друзей, ознакомился с опытом работы других, приобрел политическую и военную литературу. Не успел вернуться в Гдов, как радостное настроение улетучилось. В штабе Ян Фрицевич узнал, что Нелидов приступает к разоружению Чудской флотилии и к передаче пароходов в распоряжение рыбного отдела Петроградского Совета, утверждая, будто тем самым спасает флотилию, так как немцы не имеют права захватывать гражданские суда. Фабрициус немедленно написал донесение в Народный комиссариат по военным и морским делам. Рассказав здесь о преступных дейст-

виях Нелидова, Фабрициус предложил: «...находя указанные проступки гражданина Нелидова и его поведение в Пернове изменой Родине, я прошу... принять самые экстренные меры к его удалению от должности и распоряжения о самом строгом расследовании этого дела. Считаю недопустимым и преступным назначение высшими штабами лиц на такие ответственные посты, не запросив местные штабы и не наведя справок о нравственной и политической физиономии назначаемых».

На другой день Фабрициус с комбригом Васильевым выехали в Раскопель, арестовали Нелидова и отправили в Москву. Считали вопрос решенным. Ошиблись! Нелидов добился приема у начальника Морского Генерального штаба Беренса, и тот помог встретиться с наркомом по военным и морским делам Троцким. Бывший капитан второго ранга со слезой в голосе рассказал о своих «мытарствах и заслугах». И нарком Троцкий охотно поверил предателю, вызвал председателя Всероссийского бюро военкомов К. К. Юренева и приказал: телеграфировать Фабрициусу, чтобы он прекратил травлю начальника Чудской озерной флотилии Д. Д. Нелидова.

Фабрициус не поверил этой телеграмме. Ее достоверность подтвердил явившийся в штаб бригады Нелидов. Он положил перед Фабрициусом пакет и сказал с усмешкой:

— Горячку порете, комиссар! Вот распоряжение от наркома Троцкого.

Фабрициус вскрыл конверт. Быстро прочел документ. Троцкий писал о том, что Д. Д. Нелидов имеет хорошую характеристику и, конечно, не способен на предательство. Сославшись на логически обоснованные действия морского специалиста Нелидова, нар-

ком Троцкий указывал, что никто без его личного разрешения не имеет права арестовать начальника Чудской озерной флотилии.

Официальный бланк, печать, характерная подпись — и все-таки не верится, что прохвост Нелидов на свободе и снова на той же должности.

С трудом сдерживая ярость, Фабрициус сказал: — У русских людей есть поговорка: «Ошибающихся исправляют, предателей уничтожают». Никакие бумажки не спасут вас от неминуемой кары, Нелидов.

— Что, вправили мозги, комиссар, — рассмеялся Нелидов и не спеша вышел из штаба.

Фабрициус долго не мог успокоиться. Он не сомневался в том, что Нелидов — хитрый, умело маскирующийся враг. И командир конного партизанского полка Булак-Балахович, обосновавшийся в соседнем с Гдовским Лужском уезде, тоже враг, и еще более опасный, чем Нелидов. И тот и другой прикрываются именем Троцкого. Булак-Балахович выгнал из своего полка комиссара (ссылается на то, что нарком ему разрешил). Этаким удельный князь Лужского уезда. Кутежи, пьянство, грабежи прикрываются красным флагом революции. У крестьян отбирают «на котловое довольствие» последних коров...

Фабрициуса злила собственная беспомощность. Прохвосты Нелидов и Булак-Балахович не подчинены штабу 2-й бригады. Действуют самостоятельно.

...Значительно позже Фабрициус узнал, что 16 октября 1918 года по поручению разведывательного бюро Псковского белогвардейского добровольческого корпуса Булак-Балахович провел в Елизаровском монастыре тайное совещание бывших офицеров, вступивших в Красную Армию. В нем участвовали командир Чудской флотилии Нелидов, командир парохода

«Дельфин» Тронов, командир парохода «Народник» Васильев и командир 1-го эскадрона партизанского полка Перемыкин. Предатели решили передать конный полк и пароходы Чудской флотилии в распоряжение штаба Псковского белогвардейского корпуса.

Изменники осуществили свои гнусные планы в конце октября и в начале ноября 1918 года.

6

Ян Фабрициус торопливо просматривал только что полученные газеты. Новости были отрадными. В Германии революция. Свергнуто правительство кайзера Вильгельма. Советская республика получила возможность аннулировать кабальный Брест-Литовский мирный договор и освободить от оккупантов Эстонию, Латвию, Белоруссию, Украину и Крым. Вспомнились тяжелые, суровые дни борьбы за мир. Как был прав Ленин, когда говорил о том, что германская революция свершится и избавит нас от грабительского договора...

От газет оторвал телефонный звонок. Михаил Николаевич Васильев попросил его срочно прибыть в штаб. «Что-то случилось», — с тревогой подумал Фабрициус.

Комбрига он застал в его маленькой комнатке склонившимся над картой. Услышав грузные шаги комиссара, Васильев поднял голову. На усталом лице мелькнула улыбка:

— Присаживайтесь к столу. Получен приказ немедленно взять Псков.

Фабрициус взглянул на оперативную карту и, не скрывая удивления, спросил:

— Как это понимать? Там целый корпус, а у нас очень мало сил.

— По приказу командарма теперь мы именуемся средним боевым участком. К нам прибывает пехотный полк — тысяча штыков. Как только этот полк подойдет, мы должны перейти демаркационную линию на торошинском направлении, освободить Псков и двинуться к Изборску.

— По-видимому, командарм разрешил нам снять части с Гдовского и Талабского участков?

— Нет. Охрана побережья Чудского и Псковского озер остается за нами. В этом сложность операции. К тому же мы не обеспечены боеприпасами, медикаментами и продовольствием...

Фабрициус нервно покрутил усы, тихо сказал:

— Политическая обстановка нам благоприятствует. Постараемся сделать все возможное. Мобилизовать все силы...

Сказал и задумался. Кого же можно и нужно мобилизовать? В первую очередь местных коммунистов. Создать Особый коммунистический отряд. Необходимо связаться с партизанским отрядом Николая Порозова. Отряд небольшой, но боеспособный, проверенный в лихих делах против неприятеля. И все-таки бойцов мало. Может быть, пойти на риск — снять большую часть 49-го Гдовского полка с охраны границы и поставить на главное направление?

Комбриг и комиссар до поздней ночи сидели над картой, прикидывали, с каких постов и застав можно снять людей, откуда вести наступление. Решили сосредоточить силы на трех участках. Самый малочисленный из них — Гдовский — должен прикрыть все побережье от высадки десантных отрядов. Перед Талабским участком, куда входил самый надежный 49-й Гдовский полк, поставили задачу: выставить заслон против островов, а пятью ротами вести нас-

тупление по шоссе Гдов — Псков. В Псковском участке решили сосредоточить основные силы: обещанный штабом армии Петроградский полк, Особый коммунистический отряд, мелкие артиллерийские подразделения, кавалерийский эскадрон и пулеметную команду.

Этот замысел осуществить не удалось. Сформированный по мобилизации из крестьян Петроградский полк растерял половину состава по дороге к Торошину. Части 2-й Новгородской дивизии, которые должны были содействовать Среднему боевому участку, задержались у Острова. К тому же нечем было кормить бойцов: распутица помешала доставить необходимое количество продуктов...

Комбриг Васильев вынужден был просить штаб 7-й армии отсрочить наступление до 26 ноября. Военный совет армии отклонил ходатайство и обязал начать боевые операции 24 ноября.

Накануне наступления Фабрициус объехал ближайшие части и провел короткие митинги. Выступали только коммунисты. Красноармейцы угрюмо молчали.

В штаб военком вернулся поздно ночью, лег спать, но уснуть не мог. Мучили сомнения в успешном исходе операции. Слишком трудная задача — одолеть немцев и действующих вместе с ними белогвардейцев, имея по полсотни патронов на винтовку. Вспомнились недавние схватки с мятежниками-кулаками в Гдовском, Лужском и Псковском уездах. Разрозненные отряды были повсеместно разгромлены, а главари уничтожены. Мятежникам не удалось соединиться с белогвардейским корпусом. Но там были банды, а здесь прекрасно вооруженный корпус регулярных войск...

Утром 24 ноября отряды Среднего боевого участка двинулись на Псков.

Противник встретил атакующих сосредоточенным артиллерийским огнем. Красноармейские цепи залегли.

По приказу комбрига Васильева все 14 орудий вступили в контрбатареиную борьбу и подавили вражеские пушки. И сразу же комбриг ввел в бой единственный резервный Особый коммунистический отряд. Большевики Пскова штыками пробились к вокзалу. А в это время к реке Великой прорвались первый батальон 49-го Гдовского полка и два эскадрона братьев Новиковых.

Немецкие части оставили горящий город. Потеряв поддержку своих союзников, белогвардейские полки отступили на окраину Пскова. Отступление прикрывал полк Булак-Балаховича.

Фабрициус и Васильев въехали на станцию. Кони вздрагивали от редких орудийных выстрелов. Серое низкое небо приподняли высокие языки пламени. В ярком свете пожарища Фабрициус увидел над вершиной горы Гремячей туго натянутый ветром красный флаг и радостно воскликнул:

— Наш сорок девятый подал добрый знак всему участку. Молодцы гдовцы!

Пахло дымом и порохом. Надрывно, разнобойно во всех соборах звонили колокола. К комбригу подскакал связной. Запыленный, потемневший от копоти красноармеец подал записку. В ней всего четыре слова: «Срочно прошу подкрепления. Травинский».

Комбриг молча протянул записку комиссару. Тот прочел, покачал головой, озабоченно сказал:

— Передайте командиру: резервов нет и пока не будет. Приказ надо выполнить своими силами.

— Выбились из сил, комиссар,—признался связной Травинского.—Зацепились, окаянные, за деревню Кресты. Режут из пулеметов.

— Повторяю: подкрепления дать не можем. Скажите так: в резерве штык и честное имя. И больше ничего!

Связной ускакал.

— Худая это деревня, товарищ военный комиссар,—не выдержал молоденький ординарец Фабрициуса, сирота, прибившийся к бригаде в одной из здешних деревень, Вася Петров.—Кругом болотины да бредняк. Вот только со стороны Торошинского большака чистая поляна...

— Постой-ка! Торошинское шоссе — вот выход.—И, повернувшись к Васильеву, комиссар попросил: — Михаил Николаевич, надо прекратить атаки. У меня есть интересные соображения. Зайдем в помещение...

Васильев послал связных к Травинскому и Блинову с приказом приостановить наступление до особого распоряжения и прошел к Фабрициусу. Комиссар сидел за столом и старательно рисовал на карте длинную красную стрелу. Она летела вдоль Торошинского шоссе и врезалась в Кресты. Весело поглядывая на комбрига, Фабрициус изложил свой план:

— Днем мы били по Булак-Балаховичу растопыренными пальцами, а вечером ударим огневым кулаком. Пулеметы поставим на грузовики. Все орудия подтянем на шоссе. Трофейных боеприпасов у нас предостаточно. Обрушим ливень огня! И как можно больше шума. Пусть думают, что мы бросили на них по крайней мере дивизион броневиков...

— А где мы возьмем пулеметчиков и артиллеристов? — спросил Васильев.— В резерве никого нет...

Комиссар, наверное, предвидел этот вопрос. Он не задумываясь предложил:

— Я сяду за пулемет головной машины, вы возглавите вторую, начальник штаба — третью. А номерными поставим писарей и связных.

Начальник штаба нашел нужным заметить, что грузовик все-таки не бронемашина, весьма рискованно, но комбриг поддержал Фабрициуса:

— Если мы не возьмем Кресты — потеряем город. Противник соберет силы и опрокинет нас...

7

...В назначенный час Фабрициус выпустил в сторону Крестов три алые ракеты. Они фырча врезались в небо и рассыпались багровыми угольками. Шоферы завели моторы, и по сосновой роще, по густому ивняку покотился гулкий будоражащий рокот. Яростно рывкнули орудия. Зажигательный снаряд угодил в стог соломы, и длинные языки огня взметнулись и опалили низкую черную тучу.

Три минуты бушевало пламя артиллерийского обстрела. И вот Фабрициус услышал сильный голос военкома Гдовского полка Петра Смородина:

— За Советскую власть! Вперед! Ура!

Высоко поднялось, покотилось перекатами вдоль шоссе торопящее и торжествующее «Ура!».

Фабрициус ударил кулаком по кабине, и грузовая машина, грохоча листовым железом, помчалась по шоссе. Комиссар повел огонь короткими очередями по траншеям на окраине деревни. И в шуме боя неожиданно услышал цокот многих подков и понял: лихая конница батьки Булак-Балаховича не выдержала, удирает...

Машина проскочила деревню Кресты и врезалась

в толпу бегущих пехотинцев. Фабрициус пожалел, что взял мало лент. Когда горячий пулемет откинул последние патроны, комиссар трижды постучал в крышу кабины. Машина остановилась. Фабрициус приказал шоферу:

— В город. В больницу.

Ехали медленно. Подбирали раненых. Фабрициус подбадривал стонущих:

— Потерпите немножко. На живом все заживет...

Больница оказалась переполненной. Фабрициус разыскал утомленного, злого начальника санитарной части и распорядился:

— Займите лучшие дома. Всех раненых, всех до одного, уложите в постели. Мобилизуйте местных врачей и сестер милосердия. Немедленно составьте список, что вам нужно, чтобы всех красноармейцев в кратчайший срок вернуть в строй. Мы дадим все необходимое...

Начальник вытер мокрое лицо, сказал:

— Постараемся... Мобилизуем...

Фабрициус поехал в гостиницу «Палерма», в которой решено было развернуть штаб.

Комбрига на месте не оказалось. Фабрициус приказал часовому:

— Полчаса ко мне никого не пускайте. Я очень занят...

Комиссар привалился к столу. Но радость победы заставляла забыть об усталости. И захотелось поделиться этой огромной радостью с самым дорогим, самым главным человеком. Ведь он жил и работал в этом городе после сибирской ссылки. И конечно, ему будет очень приятно узнать о том, что Псков освобожден и миновала опасность, нависшая над Петроградом. И эта весть придаст Владимиру

Ильичу новые силы, столь необходимые в его напряженнейшей деятельности.

Четким, красивым почерком Фабрициус написал: «Москва, Кремль. Председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину.

Вчера вечером, 25 ноября сего года, в 16 часов 30 минут доблестными красноармейскими частями Торошинского участка с бою взят город Псков.

Белогвардейские банды при дружном натиске наших частей разбежались.

В городе приступлено к восстановлению Советской власти».

Подписав телеграмму, Фабрициус сам отнес ее на узел связи — очень хотелось, чтобы добрая весть быстрее долетела до Кремля...

8

В штаб Среднего боевого участка хлынул поток телеграмм, писем, подарков. Старобельский волостной Совет прислал освободителям Пскова 60 пудов махорки.

Столь щедрый подарок растрогал Фабрициуса. Ведь эту махорку собирали по щепотке, по горстке тысячи крестьян. И военком послал старобельцам благодарственную телеграмму, в которой заверил: «Товарищи красноармейцы клянутся драться до последней капли крови за принципы, возглашенные Великой Октябрьской рабочей и крестьянской революцией».

28 ноября в Псков прибыла делегация питерских рабочих. На Базарной площади в торжественной обстановке делегаты вручили 49-му Гдовскому полку революционное Красное знамя. Это была награда бойцам-героям, которые разбили отборный корпус

белогвардейцев, пленили несколько сот солдат и офицеров, захватили склады винтовок, пулеметов, боеприпасов. Удар был таким стремительным, что на реке Великой осталось два парохода из тех, что привел сюда изменник Нелидов.

Военком Фабрициус выступил с речью, в которой поздравил всех собравшихся с победой, призвал бойцов и командиров Гдовского полка с гордостью и славой пронести знамя красного Питера по полям сражений, а псковичей — отблагодарить Советскую власть и ее вооруженные силы примерным трудом на заводах и полях.

На митинге посланцы питерских рабочих вручили подарки особенно отличившимся бойцам и командирам. Военком Ян Фрицевич Фабрициус получил шашку в серебряной оправе.

...Передышка была короткой. Из штаба 7-й армии вернулся комбриг Васильев и рассказал Фабрициусу о том, что все армейские части разделены на три боевых участка: правый — Нарвский, средний — Псковский и левый — Двинский. Наступая одновременно, соединения этих участков должны освободить Эстонию и Латвию. Васильев передал Яну Фрицевичу выписку из приказа, в которой значилось: начальником среднего — Псковского боевого участка назначен М. Н. Васильев, а комиссаром — Я. Ф. Фабрициус. Им передаются 2-я Новгородская дивизия и латышская бригада.

И снова начальник и комиссар занялись арифметикой: подсчитывали активные штuki и формировали полки, батареи, эскадроны, специальные команды. Весь участок разбили на три колонны. Правой командовал командир 49-го Гдовского стрелкового полка Блинов. Перед ним стояла задача осво-

бодить Юрьев (Тарту) и Пернов (Пярну). Среднюю возглавлял комбриг 2-й латышской бригады Лельбакс; она должна была пробиться в Ригу. Левая колонна под командованием Травинского также должна была двигаться в Ригу — через Остров и Пыталово.

Когда приказ был написан и все распоряжения отданы, начальник участка вытащил часы, покачал головой.

— Необходимо поспать хоть часика два-три.

— Надо. Ложитесь...

— А вы когда будете отдыхать?

— У меня хроническая бессонница, — улыбнулся Фабрициус и склонился над исчерченной цветными карандашами картой. Прикинул расстояние по фронту от Острова до Нарвы и только сейчас в полной мере представил, какой широкий коридор надо прорубить во вражеской обороне, чтобы полностью выполнить директиву командования. Да и глубина наступления огромная — от Пскова до Виндавы (Вентспилс). Противник опытен и силен. А полки их участка малочисленны и плохо обмундированы и вооружены. Между тем не за горами неумолимая, студеная зима. По мере продвижения частей Красной Армии сопротивление противника будет усиливаться, а цепи — редеть. И конечно, выступят буржуазные националисты. Тяжело, очень тяжело, а надо выполнить свой долг. Ведь земляки ждут. И Фабрициус снова подумал об отце, матери, сестрах. Живы ли они?

Встал. Осторожно поправил сползшую с Васильева шинель. На душе стало тепло. Повезло ему с комбригом! Хоть и бывший полковник, а наш...

Фабрициус лег на жесткую койку и сразу уснул...

...В комнату вбежал ординарец Гурьянов (Вася Петров, прежний ординарец Фабрициуса, выбыл из строя по ранению) и объявил:

— Товарищ военный комиссар. Берите карандаш и рисуите над Печорой красный флажок.

Фабрициус прочел сообщение командира 2-го кавалерийского эскадрона, нарисовал на карте флажок и поставил дату — 2.XII.

Гурьянов тихонько заметил:

— По этому случаю не мешало бы выпить по стаканчику, да у вас не разживеешься. Непостижимый вы человек: не пьете, не курите и за женщинами не ухаживаете...

— Ишь разболтался! Я вот тебе покажу «стаканчик»!..

— Извините, товарищ комиссар. Это я с радости. С волнением жду, когда мозолистой рукой водрузим над Ригой красное знамя...

— Где это ты так наострился?

— С кем поведешься... На неделе пять дней митинги слушаю. Скоро сам буду оратором...

— Водрузим! Новый год встретим в Риге...

— Если бы не «железная» дивизия! — с сомнением произнес Гурьянов. — Не спешат германцы уходить...

— Это бароны не спешат уходить, а солдаты истосковались по дому, — сказал Фабрициус и стал просматривать политдонесения комиссаров. По ним подсчитал потери. Много раненных осколками. Значит, плохо окапываются. Надо избегать лишних потерь.

Вошел Васильев и торопливо рассказал о том, что немцы под Нейгаузенем (Вастселинна) укрепили

позиции противопехотными препятствиями и задержали атакующих.

Фабрициус надел шинель, сказал:

— Надо постараться любой ценой выбить оттуда противника. Стрелки плохо одеты. Пока лежат, поморозят ноги...

Васильев с Фабрициусом на бронепоезде «Красный финляндец» прибыли на линию огня. Правильно оценив обстановку, начальник участка ввел в бой броневой поезд «Атаман Чуркин», бронеотряд «Коммунар» и эскадрон 1-го Петроградского кавалерийского полка.

Части «железной» дивизии были выбиты из Нейгаузена и стали отходить к городу Верро.

Фабрициус лично допросил захваченных пленных. Еще в детстве, в имении барона Бера, он запомнил многие немецкие слова. А в Виндавском городском училище научился читать и писать по-немецки. И вот теперь это пригодилось. Фабрициус узнал: солдаты ненавидят затянувшуюся войну, в «железной» дивизии созданы полковые комитеты, которые добиваются скорейшего возвращения на Родину, но этому всячески препятствует командование. Военком решил распространить специальное обращение к рядовым «железной» дивизии. Он вызвал командира 6-го латышского полка Лобренца, хорошо владеющего немецким языком. Вместе составили обращение, в котором подчеркивалось:

«Не мешайте вашим братьям, латышским рабочим и крестьянам, во главе с латышскими стрелками... вернуться на свою родину, чтобы положить конец господству белых помещиков и фабрикантов... Не дайте же белым и вашему командованию, всячески содействующему им, обмануть вас. Заставьте

ваших офицеров исполнить наши законные требования.

Да здравствует братство народов! Да здравствуют наши лучшие борцы Карл Либкнехт и Роза Люксембург!»

Это обращение было размножено и передано пленным, которые обязались доставить его своим полковым комитетам. Кроме того, обращение отпечатали в виде листовок и при помощи самолета разбросали на позициях оккупантов. Подействовало! Немецкое командование выслало делегацию для переговоров. Офицеры-парламентеры потребовали прекратить огонь и предоставить двухнедельный срок для эвакуации войск и имущества из города Верро и окрестностей.

Лобренц изложил требования нашего командования, подготовленные военкомом Фабрициусом:

— Город Верро и другие города Эстонии должны быть очищены в двадцать четыре часа. Немецкое командование оставляет на месте все награбленное имущество.

Один из парламентеров возмущенно заметил:

— Такие условия нам не подходят. Вы недооцениваете мощь германского оружия.

Офицеры направились к выходу, а в этот момент в штаб вошли немецкие солдаты и заявили, что только они правомочны вести переговоры. Вторая делегация заняла места за столом. Лобренц ознакомил солдат с условиями оставления районов оккупации.

Они о чем-то пошептались, и старший объявил:

— Все имущество солдата уместается в ранце. За сутки можно не только собраться, но и в баню сходить и отдохнуть. Пишите соглашение...

Составленный акт подписали обе стороны.

Фабрициус ликовал:

— Сегодня мы одержали большую победу. До Верро сорок верст — с боями пришлось бы двигаться трое, а то и четверо суток. А главное, скольким бойцам мы сохраним жизнь! Теперь на очереди Валк...

10

Наступление красноармейских частей успешно развивалось по всему фронту. Была вырвана из рук врага многострадальная Нарва.

Васильев и Фабрициус совместно разработали операцию по разгрому валкского гарнизона. Латышские стрелки с трех сторон ворвались в город. Поздно вечером 18 декабря 1918 года военный комиссар Я. Ф. Фабрициус рапортовал Председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину, Председателю ВЦИК Я. М. Свердлову и председателю только что сформированного латышского Советского правительства П. И. Стучке: «Геройским 1-м полком с боя взят Валк. Взят немецкий бронированный поезд и большая военная добыча. Вступая в пределы освобождаемой Латвии, шлем коммунистический привет главам Российского и Латышского Рабоче-Крестьянского правительства».

Победоносное продвижение Красной Армии в Прибалтике сильно встревожило империалистов Антанты. Президент США Вильсон спешно послал оружие для белогвардейских частей в Латвии и Эстонии. Великобритания направила в Рижский залив боевые корабли.

Немецкое командование срочно перебросило на помощь отступающим резервные полки. Им удалось

остановить латышских стрелков на сильно укрепленных Зегевольдских высотах.

По приказанию Фабрициуса в каждой роте, батарее, эскадроне перед строем был зачитан манифест Советского правительства Латвии, в котором она объявлялась независимой советской социалистической республикой. С глубоким вниманием и радостью слушали бойцы программный документ новой власти. У всех на руках теплые варежки, а под шинелями шерстяные свитеры. Их связали девушки и женщины Видземе в дни, когда орудия гремели еще у Валка и Вендена. И словно бы передали свою любовь и нежность идущим к ним освободителям — отцам, мужьям и братьям.

29 декабря красные полки 24 часа непрерывно атаковали высоты Зегевольда. И не перевес сил, а храбрость и верность долгу принесли атакующим новую победу. Немцы и буржуазные латышские отряды ландсвера отошли на Хинценбергские (Инчукалнские) позиции. Эти высоты Фабрициус помнил по оборонительным боям осени 1917 года. Немцы заранее укрепили оборону — поставили железные и бетонные колпаки на всех высотах и перекрестках дорог и прикрыли траншеи забором из колючей проволоки в семь рядов.

Еще на подступах к Зегевольду Фабрициус, учитывая малочисленность полков, просил командование 7-й армии и главкома Вацетиса срочно пополнить 2-ю латышскую бригаду и усилить ее артиллерией. Командование выделило в распоряжение среднего Псковского боевого участка две трехдюймовые батареи. Всего лишь шесть легких орудий, а на Хинценбергских высотах стояли полки немецкой артиллерии. На одного латышского стрелка приходилось

15 солдат врага. И все-таки высоты надо было взять. Падение этого оборонительного района послужило бы сигналом к восстанию для рабочей Риги.

Фабрициус поехал в Венден к председателю Советского правительства Латвии Петру Стучке, чтобы вместе с ним обсудить создавшееся положение. Решили написать специальное новогоднее обращение к красным стрелкам; закончили призывом: «Товарищи, еще один напор и ваши Красные знамена гордо, победно будут развеяться на улицах освобожденной Риги. И рабочая Латвия будет освобождена, и Красное знамя труда станет знаменем Латвии».

Беседу Фабрициуса со Стучкой прервал телефон. Звонил командир 2-й латышской бригады Лельбакс. Он сообщил, что противник сосредоточенным артиллерийским и пулеметным огнем отбил три лобовые атаки. Положение очень тяжелое. Комбриг попросил Фабрициуса принять на себя руководство операцией.

— Выезжаю,— ответил Фабрициус.— Соберите командиров и военкомов.

Согласовав неотложные дела с Васильевым, Ян Фрицевич в автомобиле выехал в латышскую бригаду.

Командирам и военкомам, собравшимся в штабе бригады, Фабрициус прежде всего сообщил о том, что председатель Советского правительства Латвии Стучка пригласил на съезд Советов Латвии товарищей Ленина и Свердлова. А съезд состоится в Риге в первой половине января...

— Как это в Риге?— удивился комбриг Лельбакс.— Ее еще надо взять...

— Рабочая Рига с нетерпением ждет нас,— продолжал Фабрициус.— Рабочих и крестьян насильно загоняют в отряды ландсвера. Но они не хотят вое-

вать с нами. наших отцов и братьев оккупанты ставят к стенке. Так почему же, товарищ комбриг, мы топчемся на месте?

— В первом полку у меня осталось всего триста семьдесят восемь активных штыков...

— Больше! Я служил в первом Усть-Двинском полку и знаю, что каждый стрелок там стоит дюжины баронских сынков. Да, дюжины! — горячо воскликнул Фабрициус. После паузы он уже спокойнее сказал: — Вы, товарищи, действовали по установившемуся шаблону, бросали стрелков в лобовые атаки, не совсем верно оценивали местность и оборону противника. Вот в чем причина вашей неудачи.

Фабрициус достал из полевой сумки карту, развернул ее и пригласил:

— Подвигайтесь поближе. Давайте подумаем, как лучше провести операцию...

По принятому на совещании плану две усиленные роты должны были обойти Хинценбергские высоты с флангов и напасть на штабы и тылы противника. Основные силы военком предложил ввести в бой на узком участке, подготовив атаку сосредоточенным артиллерийским и пулеметным огнем. Операцию начать в 24 часа, когда господа офицеры в блиндажах будут поднимать новогодние бокалы.

Худощавый, обожженный морозами и ветрами военком бригады Эдуард Апин встал и хрипловатым голосом твердо произнес:

— Товарищи! Намеченный план будет трудно осуществить. Ведь в строю у нас всего тысяча шестьсот пятьдесят стрелков. Мы должны победить врага, имеющего десятикратное превосходство. Скажите честно и прямо об этом каждому стрелку. Подчеркиваю — каждому! Пусть они знают и о том, что ра-

бочая Рига ждет нас и что съезд Советов непременно должен состояться в Риге в первой половине января. Непременно!

В 24 часа на флангах Хинценбергского укрепленного района началась сильная ружейная и пулеметная стрельба. Сразу же открыли огонь орудия, подвезенные к самым высотам. Они проделали проходы в проволочных заграждениях и разбили засеченные пулеметные гнезда. Стрелки поднялись в атаку.

Неожиданная пулеметная стрельба в тылу и стремительный натиск с фронта привели в смятение солдат немецкой «железной» дивизии, оборонявшей укрепленный район, и они стали отходить вдоль полотна железной дороги.

Утром командир «железной» дивизии бросил против атакующих свежий резервный полк и бронепоезд. Бронепоезд открыл сильный огонь, и латышские стрелки залегли. Вражеский бронепоезд неотвратно двигался к ним. И нечем его остановить. Но вот из ближней березовой рощи грянул орудийный выстрел. Снаряд со скрежетом сорвал дверь бронепоезда. Второй разбил бортовое орудие.

Бронепоезд обрушил огонь на березовую рощу. Густое облако дыма и снега окутало деревья. И все подумали — погибли артиллеристы. Однако из рощи грянул еще один гулкий выстрел, и у самого паровоза взметнулось багровое пламя. Когда рассеялось облако пыли и дыма, все закричали «ура!» — бронепоезд откатывался, отходил.

Огонь из рощи вел Ян Фабрициус. Он был в рядах наступающих и шел вместе с артиллеристами. Когда был тяжело ранен наводчик орудия, Фабрициус встал к прицелу. За время службы в армии военком научился метко стрелять из всех видов ору-

жия... Стрелки залповым огнем опрокинули противника, двинувшегося в контратаку.

— Вперед, на Ригу! — пронеслось по цепи наступающих. — Даешь Ригу!

11

3 января 1919 года военный комиссар Фабрициус передал телеграмму:

«Москва.

Председателю Совета Народных Комиссаров
товарищу В. И. Ленину.

Председателю ВЦИК Я. М. Свердлову

Во время боев 31 декабря и 1 января под натиском доблестных латышских стрелков пала передовая твердыня Риги, укрепленная немцами еще в прошлом году, — мыза Хинценберг.

Белые были разбиты наголову, вся их артиллерия и пулеметы были захвачены героями-латышами. Этот бой предрешил падение Риги. Сегодня, 3 января, наши доблестные латышские стрелки принесли в подарок пролетариату Латвии Ригу.

Да здравствует отныне и навсегда красная Рига. Поздравляем вас, наших передовых пролетарских вождей, с этой крупной победой красных войск...»

Недолго Фабрициус пробыл в Риге. На правом фланге противник перешел в контрнаступление, и пришлось срочно выехать в Валк.

Наступили дни непрерывных ожесточенных сражений на эстонском фронте. Хорошо вооруженные странами Антанты белоэстонские и белогвардейские соединения, а также финские, шведские и датские наемные отряды стали теснить мужественные, но обескровленные в тяжелых боях красноармейские

части. Не выдержав ударов противника, отошла из-под Ревеля (Таллин) к Нарве 6-я стрелковая дивизия. Фланги 49-го Гдовского полка оказались открытыми. Командование Псковского боевого участка вынуждено было перебросить часть сил из Латвии на правый фланг — под Валк.

В эту пору Фабрициус получил радостное известие: освобождена родная Виндава. Вот и представилась долгожданная возможность увидеться с отцом и матерью. Только имеет ли он моральное право на поездку к родителям в такие опасные дни? Видно, придется отложить желанную встречу до более спокойного времени.

А вот Михаил Николаевич Васильев рассудил иначе:

— Поезжайте домой. Побудьте со своими, сколько найдете нужным. Берите машину. И прошу не возражать.

Фабрициус порывисто обнял Васильева, взволнованно сказал:

— Я скоро вернусь...

И пробыл у родителей одну ночь. Мать плакала и смеялась, засыпала его вопросами. Отец долго смотрел в упор и неожиданно спросил с укоризной:

— Что же ты, Ян, отстаешь от братьев и сестер? Все семьями обзавелись, один ты холостяком живешь...

— Ошибаетесь, папаша,— улыбаясь, заметил ординарец Гурьянов, сопровождавший Фабрициуса.— У товарища военного комиссара семейка, если можно так выразиться, в несколько тысяч человек. И все его отцом считаем...

— Шинелька-то на нем солдатская. Кто же он у вас, генерал или рядовой?

— Я так скажу: когда товарищ Фабрициус генералов бьет — он выше любого генерала на голову, а когда с нами беседует — прост, как отец родной...

А мать уже накрыла стол и радушно объявила:

— Самая добрая весть, когда говорят — пора есть! Проголодались в дороге-то, подкрепитесь, милые.

Фабрициус передал отцу пакет, который дал ему перед отъездом Васильев, и сказал:

— Посмотри-ка, что вам мой начальник прислал.

Старик не спеша развязал бечевку и поставил на стол бутылку портвейна, две банки рыбных консервов, небольшой пакетик сахару и фунта полтора сыра.

— Догадливый у тебя начальник, — восхищенно оценил старик. — Догадливый и сердечный. И хотя ты, помнится, непьющий, сегодня с нами промоешь горло. Шутка ли шестнадцать лет не виделись...

А потом Ян всю ночь рассказывал о годах каторги и ссылки, о скитаниях с ружьем по лесам Сибири и Дальнего Востока, о службе в Маньчжурии на Китайско-Восточной железной дороге, на Камчатке и Сахалине. Отец уснул, а мать все расспрашивала и расспрашивала и робко трогала легкой теплой рукой голову сына, словно бы не верила, что это ее Ян сидит рядышком на скамейке...

12

Заняв город Юрьев, командование белоэстонской армии двинуло крупные воинские части на Валк, стремясь перерезать железнодорожный путь Рига — Псков. Противник имел трехкратное численное превосходство.

Все части Псковского боевого участка были све-

дены в 10-ю стрелковую дивизию, начальником которой был назначен М. Н. Васильев, а военкомом — Я. Ф. Фабрициус. Они направили в штаб 7-й армии доклад, в котором отмечали: «...правая и левая колонны по количеству и качеству войск слабы. В дальнейшем остаются без всякого резерва. Еще раз просим о срочной высылке двух-трех полков с артиллерией и конницей, в противном случае военный совет дивизии не может взять на себя ответственность за могущие быть последствия на 150-верстном направлении фронта от Чудского озера до станции Руен».

Штаб армии не оказал помощи.

Три недели малочисленные полки отбивали яростные атаки под Валком.

Все эти дни Фабрициус находился на линии огня.

Используя превосходно вооруженные наемные отряды шведов и финнов, белогвардейские эстонские части ворвались в Валк. Лыжный отряд финнов проник в тыл наших войск и занял город Мариенбург (Алуksне). По просьбе Васильева военком Фабрициус возглавил группу, в которую вошли 6-й латышский полк и 3-й батальон 49-го Гдовского полка. Ночью бойцы окружили лыжников и в жестокой рукопашной схватке уничтожили 370 солдат и офицеров. Более 400 финнов сдались в плен.

Боевая деятельность военного комиссара Фабрициуса была высоко оценена Советской республикой. 10 марта 1919 года приказом Революционного военного совета «Ян Фрицевич Фабрициус за непрерывную самоотверженную работу на фронте в огне» был награжден орденом Красного Знамени. Он получил орден № 4. Его первым среди всех военных комиссаров отметили этой наградой.

В тот же день 49-й Гдовский стрелковый полк «за

исключительный героизм в боях против контрреволюции» был награжден Реввоенсоветом республики Почетным знаменем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. В этом же приказе говорилось: вручение знамени поручается товарищу Фабрициусу, военному комиссару 10-й дивизии.

Фабрициус выехал в полк. Перед строем зачитал приказ. Знаменосцы сняли чехол. Из рук Фабрициуса знамя принял командир полка Нил Блинов.

Комиссар полка Петр Смородин опустился на колени, поцеловал алое полотнище и воскликнул:

— Поклянемся, товарищи, до последней капли крови защищать родную Советскую власть!

И полк ответил:

— Клянемся!

Гдовцы сдержали клятву, данную у Красного знамени полка...

В середине февраля Михаил Николаевич Васильев был назначен командармом Эстонской красной армии. Грустно было расставаться Фабрициусу и Васильеву. За то время, что пришлось им вместе воевать, завязалась между ними большая дружба. Ян Фрицевич сказал другу, что очень благодарен ему за военную выучку.

— Взаимно, Ян Фрицевич, взаимно,— ответил Васильев.— Весьма благодарен за помощь по линии политической. И еще хочу вам сказать на прощание: в последнее время вы делаете успехи в области тактики. Операцию под Ригой провели весьма успешно. Полагаю, что больше принесете пользы на командной должности. Если пожелаете, могу сейчас же взять комбригом.

— Дорогой Михаил Николаевич, вы явно преувеличиваете мои способности,— улыбнулся Фаб-

рициус.— Не по плечу унтеру генеральская должность.

— А все-таки подумайте. Должен признаться: мне трудно будет без вас, товарищ комиссар, очень привык, считай, без малого год вместе,— тихо произнес Васильев, обнял и поцеловал друга...

13

Одной из важнейших задач в работе комиссара Фабрициус считал своевременно отмечать отличившихся бойцов. Он благодарил их перед строем, награждал ценными подарками, настоятельно рекомендовал рассказывать об их мужестве и военном мастерстве в газетах и листовках. Так было и тогда, когда девятнадцать красноармейцев совершили подвиг у деревни Лезги. Они отбили две атаки усиленного батальона противника, поддерживаемого огнем бронепоезда, и удержали перепаханые разрывами траншеи. Фабрициус побеседовал с командиром взвода коммунистом Владимиром Савиным и написал заметку «Геройский подвиг». Она была опубликована в газете «Псковский набат», а затем отпечатана листовкой. В ней политический отдел 10-й дивизии призывал: «...учитесь мужеству, стойкости, верности Советской республике у храбрых защитников Лезги. Имея в своей среде таких передовых борцов за коммунизм, Красная Армия сломит все белогвардейские банды».

Военный комиссар Фабрициус считал своим долгом информировать Центральный Комитет партии и лично В. И. Ленина о существенных недостатках и промахах на петроградском участке фронта.

Стремясь как можно быстрее разрешить целый ряд важных и принципиальных вопросов, Фабрициус

послал в конце апреля 1919 года обстоятельный доклад Председателю Совета Обороны В. И. Ленину и Председателю ВЦИК М. И. Калинину. В докладе он резко и обоснованно критиковал некоторые постановления Наркомата по военным и морским делам, возглавляемого Троцким.

В начале 1919 года были установлены новые оклады жалованья для личного состава Красной Армии. По этому положению нестроевые красноармейцы тыловых команд стали получать 500 рублей, а фронтовики — только 350 рублей. Подчеркивая возмутительное несоответствие в окладах, Фабрициус просил В. И. Ленина отменить этот приказ, как вредительский, способствующий разложению воинской дисциплины на фронте.

В докладе Фабрициус подробно разбирал вопрос о подготовке преданных Советской власти красных командиров из среды рабочих и крестьян и высказывал мнение, что военный комиссар «обязательно должен быть специалистом военного дела, помощником командира в решении сложных боевых задач».

Фабрициус приводил характерные факты, свидетельствующие о том, что отдельные партийные организации на местах задерживают мобилизованных на фронт коммунистов как незаменимых руководящих работников, и считал это не чем иным, как узаконенным дезертирством.

Фабрициус решительно протестовал против установления в военных комиссариатах семичасового рабочего дня. Он считал: «...во имя победы над врагом надо работать круглые сутки».

В заключение доклада Фабрициус просил В. И. Ленина дать указания об очищении рядов Красной Армии от чуждых элементов.

Председатель Совета Обороны В. И. Ленин, прочитав этот доклад, направил его в Революционный военный совет республики для принятия необходимых мер.

Обстановка на фронте под Псковом и Нарвой с каждым днем осложнялась. Прорыв 1-й бригадой 10-й стрелковой дивизии позиций эстонских белогвардейцев на участке Мехикорма — Ней-Раппин, поставивший под угрозу фланг противника, не был использован командованием 7-й армии. Напрасно Фабрициус слал телеграммы с просьбой поддержать свежими силами 1-ю бригаду, захватившую Печору и Ней-Раппин; штаб армии не выделил дополнительно ни одного бойца. Эстонское командование ввело в бой белогвардейский корпус генерала А. П. Родзянко, и обескровленные красные полки отошли на исходные позиции.

...14 мая 1919 года начальник штаба 10-й дивизии С. Г. Плюitto принес на подпись Фабрициусу распоряжение, по которому несколько полков выделялись в армейский резерв.

Ян Фабрициус сердито спросил:

— А кто приказал?

— Распоряжение из поезда самого Троцкого.

Фабрициус, с трудом сдерживая негодование, сказал:

— Преступные распоряжения не выполняю.

И сделал пометку: «Означенную телеграмму не подписываю, так как с приказом не согласен».

Фабрициус понимал армейскую суровую истину — приказ старшего начальника должен быть выполнен, и в то же время партийный долг подсказывал: надо добиться отмены распоряжения, открывающего врагу дорогу в Псков. И помочь может только

Ленин. Надо срочно доложить ему обо всем. В телеграмме, посланной в Москву, Фабрициус сообщал: «В данное время фронт нами удерживается с трудом, так как на Чудском участке противник перешел в активное наступление, на печорском направлении враг производит активную разведку с целью перейти, по-видимому, в решительное наступление. Несмотря на это, Троцким предписано с передовой боевой линии снять 5-й полк в армейский резерв». Указав, что «при исполнении этого приказа Псковский участок будет легко прорван противником в печорском направлении и это неизбежно повлечет за собой падение Пскова и создаст еще более тяжелое положение», Фабрициус просил отдать распоряжение провести строгое партийное расследование всего происходящего на Псковском боевом участке.

Эта телеграмма по приказанию В. И. Ленина 18 мая была переслана в штаб Петроградского военного округа. Из Смольного в штаб обороны Пскова сообщили по телеграфу, что подкрепление и новые руководители будут посланы. Однако обещанная помощь опоздала. 25 мая Псков пал...

Легендарный комбриг

1

Фабрициус последним ушел из Пскова. У Ольгинского моста он сдерживал атакующих огнем пулемета и был ранен в руку. 12 июня 1919 года военком написал подробный доклад Председателю Совета Обороны республики В. И. Ленину. С суровой прямотой рассказал об обстоятельствах падения Пскова, о разложении частей, об изменниках, явных и тайных, о неумелом руководстве войсками. Он просил назначить комиссию из старых партийных работников, компетентных в военном деле, для расследования причин катастрофы на Псковском участке фронта и снять его с должности военкома 10-й дивизии. Фабрициус закончил доклад просьбой «обратить на все указанное здесь мною внимание и срочно сделать все возможное для поправления нашего общего дела, пока это не поздно. Вышлите резервы и действительно ответственных работников, чтобы поправить наше общее дело».

Этот доклад, как и другие документы, адресованные Фабрициусом лично В. И. Ленину, разбирался в ЦК РКП(б) и, безусловно, сыграл положительную роль в перестройке аппарата управления Западного фронта и разоблачении шпионов — бывшего полковника Люндеквиста и его подручных...

3 августа 1919 года Реввоенсовет республики направил Я. Ф. Фабрициуса на Южный фронт. После изнурительных железнодорожных мытарств (ехал целую неделю) он наконец добрался до Козлова. В штабе фронта царило смятение, вызванное внезапным рейдом конного корпуса генерала Мамонтова, стремительно продвигавшегося к Тамбову.

Фабрициус получил указание: немедленно выехать в Елец, организовать там сводный отряд и любой ценой задержать неприятеля.

В Елец Фабрициус прибыл 28 августа. В помещении только что созданного Военно-революционного комитета он нашел дежурного комиссара запасного пехотного батальона Александра Вермишева, который рассказал, что в городе стоят запасные батальоны, к сожалению плохо обмундированные и вооруженные. Фабрициус срочно собрал членов ревкома. На заседании он предложил имеющиеся в городе войсковые части разбить на три боевых участка: левофланговый, средний и правофланговый.

Вечером получил телеграмму: неприятель занял Лебедянь и движется на Елец.

29 августа на всех участках были отбиты атаки кавалерийских разъездов белогвардейцев, но на следующий день мамонтовцы заняли станцию Боборыкино и перерезали железнодорожную линию Елец — Ефремов. Днем 31 августа Фабрициус получил донесение от комиссара левого участка об измене командира участка, перешедшего с кавалерийским дивизионом на сторону белых. Противник немедленно использовал предательство и прорвался к Ельцу.

Фабрициус организовал небольшой отряд из учащих пехотных курсов, комендантской команды и пулеметчиков и направился к перекрестку дорог.

Здесь бойцы окопались. Они отбили одну за другой три атаки белоказаков. До заката солнца отряд Фабрициуса удерживал важный рубеж обороны. Ночью в строй бойцов влились оставшиеся в живых защитники Ельца. Они принесли тяжкие вести. Третий запасной батальон был окружен и порублен казаками. Палачи замучили любимца бойцов, поэта и драматурга военкома Александра Александровича Вермисева...

2

Рейд генерала Мамонтова нанес большой урон тылам Южного фронта. Совет Обороны объявил на военном положении Рязанскую, Тульскую, Орловскую, Воронежскую, Тамбовскую и Пензенскую губернии. На борьбу с конным корпусом Мамонтова командование Красной Армии вынуждено было бросить отдельные части из числа тех, которые предназначались для участия в контрнаступлении против денкинских войск.

Пока подходили кадровые войска, сводный отряд Фабрициуса все время находился под ударами рейдирующей конницы. Силы были неравными. Случалось, что во время боев значительная часть личного состава отряда Фабрициуса выходила из строя, но Ян Фрицевич снова проводил мобилизацию, сливал в одно целое небольшие отряды военно-революционных комитетов и снова вступал в бой. Сводный отряд подчинялся командующему войсками левой группы 13-й армии А. В. Станкевичу, но связи с ним не мог установить. Патроны и снаряды приходилось добывать у неприятеля.

После упорных боев отряд Фабрициуса занял

станции Измалково и Казаки на линии Елец — Орел. Сразу же поступил приказ — наступать через станцию Тербуны к станциям Латная и Курбатово и прикрыть город Воронеж с запада. Шли под проливным дождем по разбитым, превратившимся в грязное месиво дорогам и днем и ночью. Отряд выбил противника из Латной и Курбатова.

Не успел Фабрициус пополнить отряд и привести его в боевой порядок, как получил новый приказ — немедленно выступить к Нижнедевицку и любой ценой задержать продвижение корпуса Шкуро, который начал рейд по тылам Красной Армии.

Совершив длительный переход, отряд подошел к Нижнедевицку. Впереди, в Ясенках, должен был находиться 373-й стрелковый полк. На его поддержку рассчитывал Фабрициус, продумывая предстоящую боевую операцию. Однако, как выяснилось, 373-го полка в Ясенках уже не было. Об этом Фабрициус узнал от бывшего нижнедевицкого военкома, бежавшего из Ясенок, занятых шкуровцами. Придется заново решать задачу. Фабрициус расположился в штабе за столом, развернул карту, достал цветные карандаши. Вдруг зазвонил телефон. Фабрициус снял трубку.

— С вами говорит адъютант генерала Шкуро, — услышал Ян Фрицевич. — Мы заняли Ясенки. Мы сильнее. Сдавайтесь. Генерал Шкуро щадит храбрецов.

— Слушайте вы, генеральский холуй! С палачами народа мы разговариваем только свинцом! — прокричал в трубку Фабрициус.

Продумав план действий, Фабрициус вызвал своих помощников и командиров батальонов. Он распорядился отбивать атаки конницы Шкуро прицельным

залповым огнем. Приказал до наступления темноты провести по ротам тренировки на открытие залпового огня. Командир саперного взвода получил задание поставить на дорогах и в открытом поле проводочную сеть на низких кольях.

На рассвете шкуровцы с развернутыми знаменами, под музыку сводного оркестра двинулись на Нижнедевицк. Двенадцать конных полков дугой охватывали город.

В стрелковых ячейках стояли красноармейцы. На высотках распластались пулеметчики. Застыли у орудий артиллеристы. Все посматривали в сторону шоссе и ждали, когда командир подаст сигнал «огонь!». Ждать и слушать нарастающую музыку было очень тяжело. А Фабрициус спокойно рассматривал в бинокль всадников. Неожиданно музыка смолкла. Кони стали спотыкаться, падать на землю. Ряды расстроились.

— Молодцы саперы! — воскликнул Фабрициус. — Вот теперь самое время открыть огонь, — и послал в небо сигнальную ракету.

Сразу же застучали пулеметы, загрели дружные залпы стрелков. Падали всадники и кони.

Волна шкуровцев покатила назад.

— Прекратить огонь! — крикнул Фабрициус и послал связных с приказом: «Стрелять экономно, беречь патроны».

Не прошло и полчаса, как вновь загудела земля и засверкали тысячи белых клинков. Теперь шкуровцы мчались вперед рассыпным строем. Но поле открытое, а стрелки, пулеметчики, артиллеристы Фабрициуса вели точный прицельный огонь. Да и у конников не было прежней удали.

...К вечеру сводный отряд Фабрициуса отбил

одиннадцатую атаку. Кончились патроны. Пришлось отходить.

Вскоре отряд вступил в большое село Турово. Фабрициус зашел в бедную хату на краю села. Его встретила девочка лет двенадцати, которая пообещала мигом согреть самовар.

Фабрициус присел на лавку. Надо подумать, как организовать оборону этого села, ведь шкуровцы, должно быть, скоро нагрянут сюда.

Вдруг окна дома зябко задрожали от частых выстрелов. Где-то совсем близко заработал пулемет. Фабрициус выскочил на крыльцо. Увидел, что на сельской улице появились вражеские конники. Отстреливаясь, стала отходить комендантская команда. Шофер, высунувшись из машины, крикнул: «Поехали!»

А Фабрициус вспомнил: в хате осталась полевая сумка. В ней секретные документы. Белые будут ликовать, захватив такую добычу. Фабрициус вернулся в хату. Схватил толстую полевую сумку, запихал в нее карту. И — к выходу. Дверь распахнулась. На пороге появилась девочка-хозяйка. Она строго сказала:

— Не ходи! Там казаки. Спрячься в подвале.

— Выведи меня другим ходом,— попросил ее Фабрициус.

— Пойдем! — И, как маленькому, подала руку.

Прошли по двору. Девочка открыла ворота в сад. Фабрициус побежал, прячась за яблонями. Перепрыгнул через забор. Впереди поле. Навстречу из-за гумна вылетели три всадника. На кубанках волчьих хвосты — разъезд из личной сотни Шкуро.

— Стой! — привстав на стремях, закричал бородатый казак. — Сдавайся!

Фабрициус выстрелил. Бородатый упал. Два других всадника остановили коней.

Фабрициус снова выстрелил. Пуля попала в грудь лошади. Она свалилась и придавила второго всадника.

Третий казак вложил клинок в ножны и соскочил на землю.

«Сейчас спрячется за убитой лошадью и пристукнет из карабина», — понял Фабрициус и побежал к шоссе. Оглянулся. Выстрелил по ползущему к лошади казаку. Услышал громкий крик. За спиной глухо ударил выстрел. За ним второй, третий.

У Фабрициуса заныла правая рука. Упал. Ощупал руку. Кажется, не ранен. Осмотрелся. Рядом межа. Небольшое, но все-таки укрытие. Пополз по ней. Вот уже видна белая полоса шоссе.

В этот миг из-за насыпи вылетели красноармейские тачанки. Ударили по Турову из пулеметов. Над полем засвистели пули. С головы Фабрициуса слетела фуражка. Поднял, посмотрел на рваный след на маковке и невольно подумал: «На вершок от смерти. Ушел от белых — ухлопают свои. Какая глупая история!» И пополз, прижав к груди полевую сумку.

Дорога совсем близко. Фабрициус приподнялся и увидел скачущего на лошади командира интернационального отряда Ярослава Штромбаха. Верный боевой друг. Еще под Псковом встречались. И сразу стало легче дышать. Выпрямился. Громко крикнул:

— Штромбах! Сюда, ко мне!

Командир отряда радостно воскликнул:

— Фабрициус! А мы думали, что тебя уже нет в живых.

— Фабрициуса не так просто убить, а в плену он

никогда не будет. Ярослав, Турово надо взять! Веди бойцов!

— И возьмем! Непременно! — уверенно заявил бывший чешский военнопленный, коммунист-ленинец Ярослав Антонович Штромбах...

3

В середине октября 1919 года Реввоенсовет Южного фронта направил Фабрициуса в штаб 8-й армии. Здесь его назначили на должность командира 1-й бригады 13-й стрелковой дивизии, находившейся под Бирючинским поселком.

В штаб бригады Фабрициус прибыл вечером. Временно исполнявший обязанности комбрига бывший офицер старой армии Иван Павлович Ершов рассказал, что после продолжительных тяжелых боев бригада потеряла более половины личного состава и должна быть отведена на переформирование и пополнение. Зная это, Фабрициус никак не мог предполагать, что уже утром следующего дня бригаде предстоит участвовать в наступательной операции.

В полночь пришел начальник штаба и принес только что принятый оперативный документ: начдив М. В. Алексеев приказывал бригаде с рассветом атаковать Бирючинский поселок и выбить оттуда части генерала Абрамова.

Фабрициус передал листок Ершову. Тот прочел и удивился:

— Как можно без подготовки проводить такую сложную операцию? По данным нашей разведки, у генерала Абрамова около двух дивизий. А у нас в самом большом полку 250 штыков.

— Бойцов, а не штыков, — хмуро поправил Фабрициус. — До начала боя остается всего три часа.

Чертовски мало. А надо побывать в полках, обдумать операцию. Показывайте войска, товарищ Ершов.

За три часа Фабрициус побывал во всех частях. Бойцы жаловались: нет сапог, полушубков, патронов. И бельишко сменить надо — расплзается...

— Все это возьмем у неприятеля, — уверенно обещал Фабрициус. — У белых полные склады английского да французского добра. Отберем и оденемся...

Уверенность комбрига понравилась бойцам, однако в успехе сомневались.

...На рассвете полки двинулись на Бирючинский поселок. Ветер ревел, бросал в лицо жесткий снег. Ориентиром для наступающих служили темные берега реки Верхняя Тишанка. Шли безмолвно, окутанные метелью, невидимые.

Солдаты сторожевого охранения грелись у хат и обнаружили красных бойцов, когда они уже ворвались в поселок. Перепуганные внезапной стрельбой, казаки и лейб-гвардейцы растерялись и полураздетые бежали в Александровский поселок. В поле их встретил залповым огнем 110-й стрелковый полк, заранее выдвинутый Фабрициусом для завершения разгрома.

Комбриг остался доволен операцией: захватили штабы 1-го и 4-го Донских полков, а также 3-го Калмыцкого кавалерийского полка и лейб-гвардии 2-го Атаманского. Число пленных в 3 раза превышало численность бригады. Красноармейцы отбили у врага много орудий, пулеметов, винтовок. Комбриг сдержал слово: бойцы получили из обозного имущества белогвардейцев заграничное обмундирование, обувь, снаряжение и боеприпасы...

Разъяренный генерал Абрамов стянул уцелевшие части и двинул их на Бирючинский поселок.

В это время на помощь бригаде Фабрициуса подошла 31-я дивизия под командованием Александра Игнатьевича Седякина и обрушилась на обозы белогвардейцев, оставленные без прикрытия в Александровском поселке. Разгромив гарнизон, дивизия нанесла сокрушительный удар в спину контратакующим лейб-гвардейцам. Охваченная огнем с двух сторон группа генерала Абрамова потеряла более половины своего состава.

После боя комбриг Фабрициус побеседовал с пленными, рассказал о положении на фронтах, ознакомил их с последними событиями в Советской республике. Поинтересовался, где они были мобилизованы, как живут их родные. И постепенно отобрал из солдат (как правило, из числа бывших бедняков) резервную роту в несколько сот человек для пополнения полков.

В середине декабря 2-я и 3-я бригады 13-й дивизии были сняты с фронта и отправлены в Воронеж на переформирование. А 1-я бригада Фабрициуса, не потерявшая боеспособности, была переведена в 16-ю имени Киквидзе дивизию и составила основу вновь создаваемой 3-й бригады. Начальником штаба был назначен И. П. Ершов — Фабрициус высоко оценил его фронтовой опыт и мужество, проявленное в трудных боях с корпусом генерала Абрамова.

Накануне Нового года комбриг Фабрициус получил приказ начдива С. П. Медведовского: взять станцию Лихая, крупный опорный пункт белогвардейцев. Этот важный железнодорожный узел был своеобразным ключом к городу Новочеркаску. Фабрициус вызвал командира разведчиков Ивана Дьячкова и приказал разведать огневые позиции неприятеля.

Бойцы скрытно проникли на станцию Лихая, добыли и принесли комбригу важные сведения. В частности, они выяснили, что на станции стоит бронепоезд белогвардейцев. Наступление серьезно осложнится, если он примет участие в боевых действиях.

Фабрициус решил захватить бронепоезд. Оставив за себя командира полка Н. В. Агуреева, комбриг с разведчиками отправился на станцию. Погода была подходящей: мела метель. По канаве подползли к водокачке. Залегли. Усыновленный разведчиками мальчик Сережа Вересов, прозванный Находкой, бесшумно пополз вдоль состава и вскоре вернулся. Доложил комбригу:

— Внутри гуляют. Машинист вроде спит. Чуть подальше паровоза ходит часовой.

Фабрициус сказал лежавшему рядом Дьячкову:

— Снимите часового. Я займусь машинистом. Остальные, как условились, усмирят команду.

Дьячков шепнул:

— Я мигом! — и исчез.

Разведчики лежали, приподняв головы. Прислушивались. Когда часовой был снят, Фабрициус командовал: «Пора!» — и побежал к паровозу. Слышал, как стучат сапоги о подножки вагонов. Потом донеслись крики, ругань, звон бьющейся посуды. Только не открыли бы пальбу!

Машинист оказался стоворчивым человеком. Он глянул на кольт в руке Фабрициуса и тихо спросил:

— Что прикажете, товарищ начальник?

— Гони бронепоезд в сторону красных! Да не вздумай гудеть!

— Можете не агитировать. Помирать не собираюсь.

— Дьячков, помогай...

Откуда-то долетели глухие выстрелы.

— Торопитесь! — крикнул Фабрициус.

Рев ветра заглушил стук колес бронепоезда. Он набирал скорость постепенно, но вот машинист передвинул влево ручку регулятора, поставил на последний зуб и приказал помощнику:

— А ну, шевелись!

Пламя коптилки заплясало. Поезд мчался на всех парах.

Фабрициус положил кольт в карман и скомандовал:

— Тише ход! Считаю, что домой приехали.

Бронепоезд остановился. Комбриг приказал собрать его команду. Всех переписал. Выяснил, что на должностях младших командиров — рабочие, а солдаты — бывшие крестьяне. И те и другие насильно мобилизованы в армию деникинцами, но дезертировать и перейти на сторону Красной Армии не решались. После серьезного разговора с Фабрициусом все согласились искупить в бою свою вину...

Рано утром полки 3-й бригады двинулись на станцию Лихая. Впереди шел бронепоезд. Разведчики называли цель, и опытные орудийные и пулеметные расчеты вели точный огонь.

В полдень Фабрициус доложил начдиву Медведовскому о том, что гарнизон станции разбит и захвачены огромные трофеи, в том числе эшелоны с боеприпасами и продовольствием. Комбриг понимал, что противник постарается все вернуть, и приказал организовать круговую оборону. Все трофейные орудия и пулеметы были выдвинуты в боевые порядки пехоты.

Белогвардейцы открыли по станции артиллерийский огонь. Обстрел был жестоким и затяжным —

длился три часа. Загорелись дома. Затем деникинцы двинулись в атаку. Шли уверенно, густыми цепями.

Фабрициус приказал не стрелять, пока деникинцы не подойдут на двести шагов. Это решение было рискованным, но комбриг верил в неодолимую силу внезапного прицельного огня. И сорок два «максима» одновременно хлестнули длинными очередями. Грянули винтовочные залпы. Первая и вторая цепь залегли. Стремительно надвигалась третья. Сильно поведшая цепь наступающих приблизилась к передним рядам бойцов 3-й бригады. Рукопашный бой был коротким и беспощадным...

Противник подтянул резервы и снова бросил полки на станцию Лихая.

Начдив Медведовский ввел в бой 2-ю бригаду. На помощь пехоте подоспел кавалерийский корпус Б. М. Думенко. И вторая атака белых была отбита. Преследуя деникинцев, 16-я дивизия двинулась к Новочеркасску...

Пройдя с боями 125 километров, 3-я бригада (теперь она называлась 48-й) заняла позиции по северному берегу Дона, у станицы Аксайской. Вечером 18 января 1920 года Фабрициус получил приказ совместно с 47-й бригадой овладеть станцией Ольгинской. А 1-я Конная армия должна была освободить город Батайск.

Фабрициус развернул карту, ознакомился, какие населенные пункты прилегают к Ольгинской, где размещаются части противника, тщательно взвесил разведывательные данные и пришел к выводу, что задуманная операция обречена на провал. Учитывая опыт победно завершенной Орловско-Курской операции, Фабрициус выдвинул свой план. Предложил не дробить имеющиеся силы, а использовать их, соб-

рав в мощный ударный кулак. Оставив заслон по реке Дон на линии Ростов — Нахичевань — Старочеркасская, сконцентрировав 1-ю Конную армию в районе севернее Старочеркасская — Манычская, вести наступление одновременно двумя сильными группами: первой в составе главным образом стрелковых частей 8-й армии и небольших частей конницы на Азов и далее в направлении на станцию Злодейская, а левой в составе 1-й Конной армии, поддерживаемой стрелковыми частями, в направлении на Манычскую и далее на станицу Хомутовскую. Таким образом, противник оказался бы в клещах...

Начдив Медведовский согласился с планом Фабрициуса и передал его командующему 8-й армией Г. Я. Сокольникову. Командарм связался с командующим Юго-Восточным фронтом В. И. Шориным, но тот отклонил предложения Фабрициуса. Был получен еще один приказ: 47-й и 48-й бригадам 16-й дивизии наступать с рассветом 19 января на Ольгинскую. Повинуясь воинской дисциплине, Фабрициус приступил к выполнению задания. А в успех не верил. После кровопролитного боя его полки вступили в Ольгинскую. 1-й Конной армии, наступавшей в очень тяжелых условиях, не удалось взять Батайск. Противник отразил девять атак красных конников. Командарм С. М. Буденный отвел свои дивизии к Ростову.

Белогвардейцы повели наступление на Ольгинскую с трех сторон. Два дня красноармейцы отбивали атаки конницы и пехоты противника, на стороне которого был перевес сил. 47-я бригада Павла Богомолова была окружена и почти полностью уничтожена. Комбригу Фабрициусу удалось пробить заслон врага и вывести полки в Нахичевань.

...Войска Батайского плацдарма белогвардейцев были разгромлены группой войск в составе 16-й, 13-й, 15-й и 40-й дивизий. Остатки «добровольческой армии» отошли к Черному морю. Для очищения и охраны Таманского полуострова была выделена бригада Фабрициуса. Полки, заняв Тамань, разгромили крупные десантные части генерала Слащева и тем самым помогли товарищам по оружию освободить Новороссийск.

4

В конце апреля 1920 года начала наступление против Советской России буржуазно-помещичья Польша, а с юга ее поддержали белогвардейские войска под командованием генерала Врангеля.

В начале июня 16-я дивизия имени Киквидзе, в которую вновь вошла снятая с Таманского полуострова 48-я бригада, была направлена на Западный фронт. 9 июня она прибыла в район Полоцка. На следующий день комбриг Фабрициус созвал командиров. Прежде всего спросил присутствующих, есть ли у них газета «Правда» за 30 апреля и 6 мая. Командиры переглянулись, не понимая, почему возник разговор о старых газетах.

Командир 143-го полка Николай Агуреев признался:

— Не уберегли, товарищ комбриг.

— Самое главное, боевое оружие не уберегли,— строго укорил Фабрициус.— В этих номерах «Правды» напечатаны выступления товарища Ленина о новом походе Антанты на Советскую Россию. Эти речи — наш политический устав, их всегда надо иметь под рукой — вот здесь, в полевой сумке. Политико-воспитательной работой должны заниматься не

только комиссары, но и командиры. В ближайшее время надо провести митинги. Могут быть вопросы. Вам необходимо подготовиться! Обязательно прочтите ленинскую речь к красноармейцам, отправляющимся на польский фронт. Хорошо бы выпустить ее отдельной листовкой.

Ставя перед командирами задачи по обучению бойцов, Фабрициус особое внимание уделил огневой и инженерной подготовке. Комбриг предложил укомплектовать взводы конной и пешей разведки и, не теряя ни минуты, учить их бесшумно преодолевать различные противопехотные препятствия.

Через неделю комбриг лично проверил, умеют ли разведчики и саперы скрытно пробираться к вражеским укрепленным позициям, оборудованным в открытом поле, и бесшумно резать колючую проволоку. Плохо ползавших по-пластунски несколько раз отправлял на исходный рубеж. Говорил:

— Больше пота — меньше крови. Так еще Суворов учил. Плотнее прижимайся к земле. Она как мать — добрая...

Полевая учеба благотворно сказалась при прорыве сильно укрепленных позиций под Сморгонью. Эти позиции входили в систему укреплений, возведенных германскими войсками во время первой мировой войны. Они состояли из окопов в два-три ряда, соединенных между собой ходами сообщения, с большим количеством бетонированных убежищ и гнездами для пулеметов. Впереди окопов было несколько рядов заграждения из колючей проволоки. Под Сморгонью немецкие укрепления особенно хорошо сохранились, в казематах даже было электрическое освещение.

13 июля Фабрициус получил приказ — атаковать противника и занять этот район.

Начальник штаба Иван Ершов горестно заметил:

— Труднейшая задача. В минувшую войну у этой окаянной Сморгони полегли чуть ли не целые дивизии. Ходила солдатская поговорка: «Кто под Сморгонью не бывал, тот и горя не видал».

— И все-таки надо выбить противника из железобетонных укрытий, — сказал Фабрициус. — Жаль, что нет гаубиц. Трехдюймовыми орудиями такие стены не пробьешь.

На рассвете по приказу комбрига командир артиллерийского дивизиона сосредоточил огонь всех орудий на участке наступления 142-го полка. Артиллерийская подготовка была короткой: берегли снаряды. Красноармейцы поднялись, добежали до многорядного проволочного забора и, встреченные кинжальным пулеметным огнем, откатились на исходные позиции.

143-й полк захватил важную высоту 72,9, но удержать ее не смог.

47-я бригада и наступавшая южнее 33-я Кубанская дивизия несколько раз поднимались в атаку и, оставив у проволоки убитых и раненых, отступали в окопы.

Фабрициус тяжело переживал гибель бойцов. Есть давнее правило: командир должен побеждать малой кровью. Должен. Но как взять неприступную Сморгонь? Ясно, что лобовые атаки не принесут успеха. Надо искать другое решение. Фабрициус изучил прилегающую к укрепленным позициям местность, побеседовал с местной беднотой и узнал, что «проклятая колючка пожиже у деревни Перевозы». С командой разведчиков пробрался через лес к деревне Перевозы и убедился, что там проволочный забор натянут только в два кола. Ян Фрицевич приказал командиру

разведчиков Дьячкову проделать в проволоке несколько проходов и отметить их белыми колышками. Красноармейцы быстро выполнили задание.

Фабрициус вернулся в штаб и составил план операции. Решил оставить у старых позиций 142-й полк, а два других скрытно провести к оврагу у высоты 72,9, занять ее и затем атаковать противника с фланга, через лес. Комбриг договорился с начальником 54-й дивизии В. Д. Цветаевым об огневом содействии во время атаки.

В 3 часа ночи первый батальон 143-го полка, возглавляемый Фабрициусом, бесшумно снял сторожевые заставы и занял высоту 72,9. И сразу же комбриг двинул полки в лес у деревни Перевозы. Разведчики провели стрелков по заранее проделанным проходам в проволоке к самым вражеским окопам. Напуганные внезапным появлением красноармейцев, белополяки бежали к реке Оксна. Батальон, который вел Фабрициус, прорвался в тыл обороняющихся. Враг бросил полк пехоты от деревни Перелесье к реке Оксна. Командир батальона, занявший опушку леса, передал по телефону Фабрициусу:

— Замечена сильная колонна противника. Что делать?

— Пропустите колонну и ударом с тыла и фланга разгромите, — посоветовал Фабрициус.

Вскоре комбриг услышал возгласы «ура!» и взрывы гранат на опушке леса.

Белополяки не ожидали удара с трех сторон и в панике побежали по ходам сообщения. Красноармейцы, преследуя отступавших, переправились через реку Оксна. Командир бригадной разведки Георгий Вукмирович ворвался в огромный бетонированный блиндаж и захватил 64 пленных во главе с командиром батальона.

Цепи атакующих вышли на линию дороги Сморгонь — Рыбаки. Противник открыл сильный огонь из дальнобойных орудий, но не учел скорости продвижения наступающих: снаряды рвались далеко позади цепей. Контратакующая вражеская группа из деревень Свеляны и Корень была рассеяна артиллерийским огнем.

Смелой атакой 143-й полк выбил белополяков из деревни Свеляны. Одновременно 144-й полк занял деревни Корень и Минки. По приказанию Фабрициуса орудия были подвезены к переднему краю. Они открыли огонь прямой наводкой по станции Сморгонь и по деревне Лычники. Прикрываемые стеной разрывов, шли в атаку полки.

Противник стал поспешно отступать по всему укрепленному району. В прорыв вошли части 33-й Кубанской и 54-й стрелковой дивизий.

14 июля 1920 года неприступная Сморгонь пала! В ночном бою бригада Фабрициуса потеряла 9 человек. Противник же оставил в траншеях сотни убитых и раненых. Около 200 белополяков сдались в плен. Бойцы 48-й бригады захватили 10 пулеметов американских и французских систем.

Противник рассчитывал на долгое время задержать наступление частей 15-й армии на рубеже Сморгонь — Шиловичи — Молодечно. Благодаря успешным действиям бригады Фабрициуса вражеские замыслы были сорваны.

Советская Родина отметила выдающийся ратный подвиг Яна Фрицевича Фабрициуса вторым орденом Красного Знамени. По представлению комбрига многие бойцы и командиры также были удостоены высшей боевой награды.

Поздравляя героев с победой, Фабрициус говорил:

«...От имени Революции и Родины благодарю вас, мои славные красные орлы 48-й бригады. История оценит по достоинству все те жертвы, которые уже принесены вами. Золотыми буквами она выбьет на скрижалях имени тех бойцов за свободу пролетариата, которые уже пали за идеи коммунизма и мирового равенства и братства народов».

Сморгонская операция вошла в золотой фонд истории гражданской войны в СССР и была включена в учебные пособия для военных академий как выдающаяся, образцовая по замыслу и исполнению.

5

Через месяц после прорыва под Сморгонью 48-я бригада вместе с другими частями 16-й дивизии вышла к местечку Нове-Място, к берегу реки Вкра. Позади остались города Белосток, Остров, Пултуск. Дивизия продвинулась с боями более чем на 600 верст. Каждый шаг вперед давался ценой огромных усилий. Не хватало снарядов и продовольствия. Обозы и склады остались далеко в тылу...

Такое положение создалось во всех частях, сражавшихся на Западном фронте.

15 августа польские резервные части перешли в контрнаступление. Обескровленные красные полки вынуждены были отступить. Бригада Фабрициуса прикрывала отход своей дивизии и всей 15-й армии. Неоднократно попадала в окружение и прорывалась к своим. Смертельная опасность нависла над героями арьергардных боев под Ломжей.

События развивались так. Связной начдива Медведовского привез приказ — любой ценой задержать противника, движущегося наперерез дивизии от Замбрува.

Бойцы 48-й бригады заняли круговую оборону. К вечеру отбили девять атак. Патроны кончились. Дальше предстояло сражаться врукопашную — штыками и прикладами. Но новой атаки не последовало: видимо, противник тоже выдохся.

Фабрициус собрал разведчиков, разделил на три группы, попросил:

— Надо добыть патроны. Обыщите все окрестности... Постарайтесь...

Фабрициус и Ершов обошли позиции. Усталые бойцы забылись тяжелым сном. Бодрствовали только часовые.

Первой вернулась группа Дьячкова. Ничего не нашли.

В полночь прискакал командир бригадной разведки Георгий Вукмирович. Прохрипел:

— На станции Червоный Бор стоит эшелон с боеприпасами. Сережка Вересов нашел...

— Так ли? Даже не верится. Родной ты мой!..— обрадовался Фабрициус.— Запрягайте все повозки. Мигом!

Фабрициус сам повел отряд. Разведчики внезапно ворвались на станцию и уничтожили охрану. В короткой схватке погиб общий любимец Сережа Вересов — находка...

В эшелоне оказались не только патроны, но и пулеметы, и легкие полевые пушки.

— Все, все забирайте,— торопил Фабрициус.

...На рассвете противник снова начал атаку, будучи уверен в легкой победе. Фабрициус приказал не стрелять без сигнала. Он подпустил цепь на двести шагов и выстрелил в офицера. Сразу же открыли огонь все пулеметчики и стрелки. Атакующие полегли...

48-я бригада, сведенная в полк, догнала дивизию в районе города Новограда-Волынского...

До заключения мира с Польшей бригада Фабрициуса вела тяжелые оборонительные бои. За мужество и стойкость, проявленные в этих боях, все ее полки, сохранившие материальную часть и служившие надежным щитом отходящей 15-й армии, были награждены почетными революционными Красными знаменами. Реввоенсовет республики отметил деятельность Яна Фрицевича Фабрициуса третьим орденом Красного Знамени.

Всегда в строю

1

В начале января 1921 года Ян Фабрициус был назначен начальником Объединенных курсов командного состава РККА, разместившихся в здании бывшего кадетского корпуса в городе Полоцке.

Фабрициус старательно принялся за новое, трудное дело. Он понимал, что надо как можно быстрее готовить умелых, преданных Родине красных командиров.

В конце февраля на конференции Витебской губернской партийной организации Яна Фрицевича Фабрициуса избрали делегатом на X съезд РКП(б).

Фабрициус предполагал, что во время съезда ему удастся посоветоваться с Владимиром Ильичем Лениным по вопросам дальнейшего строительства Красной Армии. Он собирался также решить в Москве ряд организационных вопросов учебы курсантов. Однако осуществить свои планы ему не удалось. Как раз в те дни, когда в Москве проходил съезд партии, в Кронштадте продолжался контрреволюционный мятеж, вспыхнувший в начале марта. И Фабрициус в числе других военных специалистов — делегатов съезда отправился в Петроград. Они приехали туда 13 марта.

Фабрициуса направили в южную группу войск — в Ораниенбаум. Командующий группой А. И. Седякин обрадовался встрече со старым знакомым.

— Принимай, дружище, 501-й Рогожский полк, — сказал он Яну Фрицевичу. — Настроение там скверное. Многие струсили и дезертировали. Твоя задача — в кратчайший срок навести там должный порядок. Полк входит в сводную дивизию, которую только что принял Павел Дыбенко. Вот с ним и решай все вопросы...

В штабе 501-го Рогожского полка Фабрициус узнал, что на котловом довольствии значится 1094 человека, а активных штыков всего 573.

Фабрициус упрекнул временно исполняющего обязанности командира полка Коршунова:

— Как это вы дошли до жизни такой? Когда республика в смертельной опасности, все должны быть в строю!..

— Полагаю, что участие полка в операции крайне нежелательно. На лед не пойдут. Разбегутся, — хмуро заметил Коршунов.

Фабрициус попросил комиссара Шатилова собрать коммунистов. Пришли 28 человек. Фабрициус выслушал их предложения и замечания и поставил задачу:

— Наш долг — за одни сутки превратить самый недисциплинированный и трусливый полк в передовой. Я надеюсь на вашу помощь, товарищи.

Коммунисты провели беседы с бойцами. Организовали митинг. Выступали кратко:

— Раз надо — пойдём!

Маленький тощий красноармеец высказал сомнение:

— Уже ходили, да не дошли... Лед не держит...

— Вас-то выдержит,— улыбнулся Фабрициус.— Вот мне с моим весом будет потруднее. Пора, пора! Надо вскрыть кронштадтский нарыв штыком. Я был на съезде партии. Ленин приказал ликвидировать мятеж в ближайшие часы. Ленин надеется на нас, верит, что каждый выполнит свой долг. Запомните: каждый!

По всем ротам провели инструктивные занятия. Всем выдали белые маскировочные халаты и полный боекомплект.

В 4 часа ночи 17 марта Фабрициус, в черной бурке, ступил на лед. Воды не было. За ним двинулся весь полк. Шли молча. Не курили. Фабрициус радовался туману: поможет скрытно подойти к цели — к Петроградским воротам крепости. Посмотрел на компас и на светящиеся стрелки часов. Приказал начальнику штаба:

— Передайте по цепи — шире шаг!

На участке 499-го Лефортовского полка, идущего впереди и левее, разорвалось несколько снарядов. Фабрициус услышал грохот ломающихся льдин, а затем гулкий топот сапог, крик командиров и понял: красноармейцы 499-го бегут. Вот сейчас волна гонимых страхом врежется в цепь его полка и увлечет за собой. Надо как-то задержать паникеров. Но как? Только так. И громко скомандовал:

— Ложись!

— Ложись! Ложись! — пронеслось по цепи. И все опустились на лед.

499-й Лефортовский полк как бы споткнулся о цепь 501-го Рогожского. Лежавшие на льду сердито хватили за ноги бегущих, те падали на лед и, сраженные стыдом перед спокойными, осыпавшими их руганью товарищами, оставались в их цепи.

Фабрициус обошел неожиданно выросший полк, приказал комбатам:

— Передайте всем: вперед, только вперед! Отстающие погибнут. «Ура!» — сигнал атаки. Дружно поднимайте людей! Прицела на нас навести не успеют.

Широкий желтый луч прожектора рассек темноту. Набрав полные легкие воздуха, Фабрициус во весь голос прокричал:

— Ура, товарищи, ура-а-а!

И побежал. Он долго тянул это высокое «а-а-а», задыхаясь и багровея. Возглас «ура!» подхватили сотни голосов.

В слепящем свете прожектора красноармейцы видели высокого человека в черной бурке. Он бежал, пригнувшись, и не оглядывался. Верил, что они последуют за ним.

А вражеские снаряды дробили лед позади атакующих, осыпали ледовым крошевом.

Стрелковая цепь как волна ударилась о берег и отхлынула назад. Из трехэтажного длинного дома, стоявшего поперек пристани, открыли пальбу пулеметы.

«Пушечку бы сейчас иметь, хотя бы трехдюймовку», — подумал Фабрициус и передал лежавшему рядом с ним красноармейцу:

— Коммунисты — к командиру полка!

Подползло шесть человек. Он взял четверых опытных солдат. Сказал строго:

— Надо захватить пушку и разбить пулеметы.

И пополз, раздирая о мерзлые камни колени и локти, к сараям, стоявшим на берегу. Когда бежал по льду, слышал в той стороне басовитый голос

орудия. И не ошибся. За сараем чернел ствол пушки. На месте наводчика стоял высокий детина.

Фабрициус взял из рук бойца винтовку, спокойно, как на стрельбище, лег и первой пулей свалил наводчика.

Номерные расчета бежали.

Пушку повернули к дому на пристани. Фабрициус навел ствол на мерцающий алый огонек в черном зеве рамы. Первый снаряд врезался в стену. Второй вогнал в окно. Пулемет заглох. Стало жарко. Шумно вздохнув, вытер струившийся по лбу и попадавший в глаза пот. Погасив огонь еще двух пулеметов, сказал устало:

— Пушку катите в цепь. Снаряды собрать все до одного. Пригодятся,— побежал на пристань, к полку.

В 8 часов 25 минут 501-й полк занял Чеботаревскую улицу и часть Петроградской. Задержались у минной школы. Комиссар полка Шатилов предложил мятежникам сдаться, но они вытащили пулемет на улицу и хлестнули по прижавшимся к домам красноармейцам. В этот момент коммунист Иван Соловьев, толкая перед собой санки с пулеметом, пробрался на середину улицы и длинной очередью срезал расчет. Красноармейцы поднялись в атаку и выбили мятежников из минной школы. На мостовой остался смертельно раненный Соловьев.

Бойцы захватили тюрьму, освободили комиссара кронштадтской крепости Николая Николаевича Кузьмина и его товарищей-коммунистов, приговоренных мятежным ревкомом к расстрелу.

Напряженный бой продолжался до 2 часов ночи 18 марта. 501-й Рогожский стрелковый полк, считавшийся небоеспособным, в штурме Кронштадта за-

воевал добрую ратную славу. Потери были незначительны: 3 человека убито и 19 ранено. По ходатайству Фабрициуса заместитель командира полка А. Н. Коршунов, комиссар Н. Н. Шатилов, командир 2-го батальона М. Ф. Кузьмович и 14 бойцов-героев были награждены орденом Красного Знамени. Многие бойцы получили ценные подарки.

Командование 167-й стрелковой бригады, представляя временно исполнявшего обязанности командира 501-го Рогожского полка Я. Ф. Фабрициуса к награде, отмечало:

«Товарищ Фабрициус 17 марта 1921 года в бою под Кронштадтом личным примером храбрости и неустрашимости несколько раз приводил в порядок расстроенные неприятельским огнем цепи и бросался вперед с криком «Ура!», пока не ворвался в крепость. Несмотря на отчаянное сопротивление мятежников, продолжал подвигаться вперед, увлекая своим примером мужества красноармейцев».

Сдав полк Коршунову, Фабрициус вместе с другими делегатами приехал в Москву. Героев штурма принял и сердечно поблагодарил Ленин. Они сфотографировались вместе с Владимиром Ильичем.

В Полоцк Ян Фабрициус вернулся с новым, четвертым по счету орденом Красного Знамени.

2

В марте 1923 года Ян Фабрициус был назначен командиром 2-й Белорусской дивизии. С грустью расстался с Полоцком. Привык к беспокойному, напряженному ритму рабочего дня на учебных курсах и гордился успехами своих первых воспитанников,

присылавших теплые письма из всех военных округов. В небольшом древнем славянском городке Фабрициус оставил много друзей... В потертой полевой сумке увозил дорогие реликвии: старательно нарисованную детскими руками грамоту «Главному шефу Полоцкой пионерской дружины», билет № 914, выданный «Почетному комсомольцу, красному герою Яну Фабрициусу», удостоверение почетного курсанта.

Приняв дела, Фабрициус сразу же выехал в дивизию. О своем приезде никого не предупреждал. В первом полку проверку начал с кухни. Затем отправился на стрельбище и лично проверил, пристреляно ли оружие и как ложатся пули в мишенях. Закончил обход в казармах. Поинтересовался бытом красноармейцев и тем, как они проводят свой досуг. Вечером провел совещание командного состава. Резко говорил о замеченных недостатках. Критиковал нерадивых командиров.

Таков же был порядок проверки и во всех остальных полках. Вернувшись из поездки, Фабрициус написал специальный приказ, в котором изложил свои взгляды на взаимоотношения начальника с подчиненными. Старательно подчеркнул строки:

«...В наше время командир должен знать много, непрерывно и без усталости работать, если хочет быть достойным своего звания. В наше время он не только командир, но нечто большее. Он общественный деятель в гражданском смысле слова, потому что призван играть не последнюю роль в народном воспитании. Велика и почетна роль командира, понимаемая таким образом, и не всякому она под силу. Много энергии надо вложить в свое дело для того, чтобы с чистой совестью сказать: много людей про-

шло через мои руки и весьма мало было между ними таких, которые от этого не стали лучше, развитее, пригоднее для всякого полезного дела. Ни одного я не сделал негодным, ни одного не замотал бестолковой работой или невниманием к его нуждам, ни в одном не подорвал доверия к собственным силам, все привыкли подчинять свою волю достижению одной общей цели с сознанием своего долга перед трудовым народом. Условия для деятельности в нашей Красной Армии, для командирского воспитания крайне благоприятны, но в свое дело необходимо вложить душу и сердце. Что идет от души, то и попадает в душу и сердце бойца».

Этот приказ был размножен в типографии и служил своеобразной памяткой командирам.

Начдив Фабрициус сумел в короткий срок создать боеспособное, дисциплинированное соединение, получившее после осенней инспекторской проверки хорошую оценку высшего командования.

Красноармейцы полюбили своего строгого и в то же время по-отцовски заботливого комдива. С ним можно было всегда поговорить по душам, посоветоваться, попросить помощи.

На общем собрании личного состава артиллерийского дивизиона было принято решение:

«Вождя революции товарища Ленина Владимира Ильича зачислить почетным красноармейцем первого орудия 1-й батареи.

Героя гражданской войны командира дивизии Фабрициуса Яна Фрицевича зачислить почетным красноармейцем, наводчиком первого орудия 1-й батареи».

Проявляя требовательность к подчиненным, Ян Фрицевич был беспощадно строг и требователен к самому себе. Свои недостатки и промахи исправлял упорно. Фабрициус считал необходимым получить военное образование. Написал рапорт, в котором просил направить его на Военно-академические курсы высшего комсостава.

Просьбу удовлетворили. В октябре 1923 года Фабрициус приехал в Москву. Встретил боевых друзей. И сразу же включился в новые дела: готовил доклады, обобщающие боевой опыт, выступал на заседаниях военно-научного общества, писал статьи для газет и журналов.

Занимался Фабрициус старательно, все задания выполнял в срок, очень своеобразно решал тактические задачи.

Труженики столицы избрали Яна Фрицевича Фабрициуса в Московский Совет, а также делегатом на II съезд Советов СССР.

Накануне съезда Советскую страну, трудящихся всего мира постигло величайшее горе: 21 января 1924 года умер Владимир Ильич Ленин.

Фабрициус не хотел верить случившемуся. Не может так рано умереть человек, который очень нужен народу. Повседневные заботы и личные переживания отступили на задний план в эти дни всеобщей скорби.

Старый большевик Фабрициус дважды стоял в почетном карауле в Колонном зале Дома союзов. Смотрел на дорогие застывшие черты вождя, невольно вспоминал встречи в Смольном и в Кремле, доклады на имя Ильича, его советы. Смотрел и не вытирал слез. Рядом с Фабрициусом стоял Григорий

Иванович Котовский, человек необыкновенной воли и мужества. Горе выжало слезы и у этого легендарного героя.

Пришли проститься с вождем боевые друзья Фабрициуса — латышские стрелки. Ветераны сражений, не сгибавшиеся в атаках, шли медленно, пошатываясь, словно на плечи их легла непомерно тяжкая ноша...

4

Успешно окончив Военно-академические курсы, Ян Фабрициус получил назначение на должность командира 17-го приграничного стрелкового корпуса и выехал в Винницу.

Части корпуса занимали широкий участок южной границы. Фабрициус стремился подготовить дивизии, способные отразить нападение любого врага. Вот характерное, и сейчас звучащее вполне современно, обращение Фабрициуса к личному составу корпуса:

«...Помните, что ненависть империалистов к нам не уменьшается, а возрастает. Учитесь на традициях прошлого героизму и выносливости. Будьте готовы отдать свою жизнь за свободу трудящихся.

Мы хотим мира, но никто не знает, когда злая воля наших врагов заставит нас вступить в бой.

Будем же в наступающем девятом году жизни Красной Армии встречать каждый месяц, каждый день так, как будто бы это последний месяц и последний день нашей воинской подготовки перед решающим боем».

Боевая подготовка красноармейцев и командиров в корпусе Фабрициуса была налажена очень хорошо. Строгие инспектора из столицы отмечали, что

бойцы проявляют стойкость в обороне и умело сочетают огонь с движением в наступлении. Выдающийся полководец гражданской войны Михаил Николаевич Тухачевский так аттестовал Фабрициуса: «Прекрасный строевой начальник. Твердый, решительный и настойчивый. Пользуется громадным авторитетом у красноармейцев, курсантов, комсостава и в местных организациях».

Прекрасно отзывался о комкоре Фабрициусе и замечательный военачальник Александр Ильич Егоров: «Вполне достоин и заслуживает должности помкомвойсками для углубления и развития огромного боевого опыта. Старый, испытанный и выдержанный большевик». Эта рекомендация была учтена Реввоенсоветом, и в апреле 1928 года Ян Фрицевич Фабрициус был назначен помощником командующего Кавказской Краснознаменной армией.

В Виннице Ян Фрицевич женился на сестре работника штаба Петра Улепа — Кристине Михайловне. На свадьбу приехали боевые друзья. Впервые Фабрициус отступил от «сухого закона», выпил вина и спел одну и ту же песню о любимой латышской девушке на русском и немецком языках. А потом пели все — долго и дружно...

Фабрициус очень любил детей. Как-то в Виннице накануне Нового года комкор устроил необыкновенную елку: она стояла на своих корнях, огромная, ветвистая, сверкающая, украшенная конфетами, яблоками, грецкими орехами, игрушками. Весь вечер Фабрициус любовался ликующим хороводом и раздавал малышам подарки...

А как радовался 48-летний Ян Фрицевич, когда у него родился первенец! Он погладил светлые вьющиеся волосы жены и сказал:

— Я самый счастливый человек на свете. Не знаю, как и отблагодарить тебя, милая. Такого богатыря родила. Мы назовем его Альваро. В память о моем друге. Он погиб в ссылке...

Повседневная напряженная работа, старые раны, затяжной «сибирский» ревматизм подорвали здоровье Фабрициуса. В конце июля 1929 года врачебная комиссия направила Яна Фрицевича на лечение в Сочи. Уезжая, поцеловал жену, Альваро и малышей-близнецов Тамару и Яниса и пообещал:

— Я скоро вернусь и привезу вам всем много-много подарков. Слушайте маму.

17 августа 1929 года Ян Фрицевич сообщил жене:

«...Врачи хотели, чтобы я остался до второго сентября, но я так долго не могу остаться, потому что у нас в армии в последних числах августа начнутся маневры, на которых я должен обязательно присутствовать. Я и так долго сидел без работы. Ем и сплю, сплю и ем изо дня в день. К такой праздной жизни я никак не могу привыкнуть.

Еще раз сердечно приветствую вас. До счастливой встречи. Мысленно всех вас, дорогие мои, прижимаю к груди и целую. Ваш горячо любящий Ян».

Фабрициус прервал лечение и 24 августа на самолете К-4 вылетел из Сочи в Тбилиси. Ян Фрицевич сидел у тяжелого чемодана с подарками для малышей и смотрел в окно. Самолет миновал Ривьерский мост, неожиданно закачался и стал резко снижаться. Кто-то из пассажиров громко вскрикнул. Испугалась и заплакала маленькая дочка инженера Андреева Инночка.

— Тихо, тихо! — воскликнул Фабрициус.— Мы опускаемся на воду у самого берега,— и стал торопливо развязывать ремни, которыми был пристегнут

к сиденью. Понял — пилот Колан не может посадить самолет на пляж: на нем очень много отдыхающих...

Пропеллер врезался в воду. От сильного толчка груз свалился на пассажиров. Летчика и бортмеханика выбросило в море. Инженер Андреев потерял сознание. Фабрициус помог его жене отстегнуть ремни. К окну кабины подплыл Колан, крикнул:

— Товарищ Фабрициус, выходите! Скорее выходите!

Фабрициус попросил:

— Вначале помогите женщине с ребенком.

И успел протолкнуть их в окно кабины. А когда стал вылезать сам, хлынула темная тяжелая вода, и перегруженный самолет пошел на дно.

Спасательной станции поблизости не было. Утонувший самолет вытащили на канате многочисленные отдыхающие, загоравшие на пляже. Помощь опоздала. Так ушел из жизни Ян Фрицевич Фабрициус, легендарный военком и полководец, сотни раз водивший бойцов в атаку на полях сражений великой гражданской войны...

5

В «Правде» было напечатано:

«ЦК и ЦКК ВКП(б) извещают о безвременной трагической смерти члена ЦКК ВКП(б) тов. Я. Ф. Фабрициуса, одного из старейших и преданнейших делу рабочего класса коммунистов, героя гражданской войны».

Революционный военный совет СССР принял постановление:

«2 сентября Красная Армия, трудящиеся СССР хоронят славного, испытанного в боях, одного из храбрейших бойцов РККА, награжденного четырьмя

орденами Красного Знамени, помощника командующего Кавказской Краснознаменной армией Яна Фрицевича Фабрициуса.

Вся жизнь этого преданнейшего делу пролетарской революции командира, вся его боевая работа является образцом для каждого красноармейца, для каждого командира и политработника Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Реввоенсовет СССР в память о подвигах и беззаветной службе тов. Фабрициуса делу рабочего класса постановил переименовать 96-ю стрелковую Винницкую дивизию, входящую в состав 17-го корпуса, которым командовал тов. Фабрициус, в 96-ю стрелковую Винницкую дивизию имени тов. Фабрициуса.

Реввоенсовет СССР выражает твердую уверенность, что дивизия сумеет оправдать свое новое почетное революционное наименование...»

96-я стрелковая Винницкая дивизия имени Фабрициуса оправдала свое наименование. В годы Великой Отечественной войны она прошла славный боевой путь и стала гвардейской. На знамени дивизии светятся четыре боевых ордена. Многим офицерам и солдатам было присвоено звание Героя Советского Союза, тысячи воинов награждены орденами и медалями.

...Накануне похорон Я. Ф. Фабрициуса группа командиров и политработников, отдохавших в санатории «Кавказская Ривьера», обратилась ко всему личному составу Красной Армии с призывом: «Построим эскадрилью самолетов имени Яна Фабрициуса!»

С таким же предложением выступили трудящиеся Киева, Минска, Ленинграда, организовавшие сбор

средств. Прошел год, и в небо поднялась боевая эскадрилья имени Яна Фабрициуса.

Еще в 1925 году Ян Фрицевич был навечно зачислен почетным солдатом 49-го Гдовского полка. Прославившийся в сражениях гражданской войны, этот полк заслужил гвардейское звание в боях под Ленинградом. Все, кто воевал у стен Ленинграда, и жители осажденного города хорошо знали Воронью гору. С этой главенствующей высоты гитлеровцы вели огонь из дальнобойных орудий по улицам города Ленина. Воронью гору взяли штурмом в январе 1944 года гвардейцы 49-го Гдовского полка. Долговременную оборону на Карельском перешейке первыми прорвали также гвардейцы этого полка. Шесть Героев Советского Союза воспитал этот старейший полк. Вот их имена: Иван Михайлович Комаров, Дмитрий Семенович Молодцов, Тимофей Ефимович Пирогов, Владимир Григорьевич Массальский, Анатолий Георгиевич Афанасьев и Василий Александрович Игонин.

Приходят в военный городок молодые солдаты и видят на плацу памятник Яну Фабрициусу — организатору и первому командиру полка, который ныне называется: гвардейский учебный мотострелковый Ленинградский Краснознаменный, ордена Кутузова, имени Ленинского комсомола полк. И каждый новобранец, прежде чем принять военную присягу, знакомится в комнате боевой славы с замечательной жизнью Яна Фабрициуса, с картой походов и сражений полка, с доброй славой однополчан...

Помнят и чтят своего прославленного земляка труженики Вентспилсского района Латвии. В центре портового города Вентспилса стоит в военной шинели и буденовке большевик-ленинец, военный комис-

сар и командир Ян Фабрициус и пристально смотрит на вольное Балтийское море. У памятника пионеры школы имени Фабрициуса проводят торжественные линейки и вступают в комсомол. А рядом — завод имени Яна Фабрициуса, успешно выполняющий производственные задания.

К 100-летию со дня рождения Я. Ф. Фабрициуса, 7 июля 1977 года, его земляки торжественно открыли на хуторе Вангстребеи, в сохранившемся домике лесника Фрица Фабрициуса, музей его сына Яна. Я присутствовал на этом празднике. Слышал стихи, которые вдохновенно читали пионеры, и песню, исполненную хором ветеранов войны. И в сердце запали верные и значительные слова:

Ты вернулся на Родину победителем,
Ты всегда в строю, Ян Фабрициус.

Содержание

Партийная школа Смольного	6
Там, где опаснее	48
Легендарный комбриг	90
Всегда в строю	112

Николай Дмитриевич Кондратьев

НА ФРОНТЕ В ОГНЕ

Эпизоды из жизни Яна Фабрициуса

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *Ю. И. Харченко*

Младший редактор *А. С. Кочеткова*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *М. И. Токменина*

ИБ № 2395

Сдано в набор 13.11.81. Подписано в печать 08.02.82. А00027.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Журнальная».
Печать высокая. Условн. печ. л. 5,95. Условн. кр.-отт. 6,65.
Учетно-изд. л. 5,24. Тираж 200 тыс. экз. Заказ 1739. Цена 20 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

20 коп.

ПОЛИТИЗДАТ • 1982